

**«...ХОТЬ РАЗ
НАПИШУ ТЕБЕ
ПРАВДУ»**

**Письма солдат
вермахта
из сталинградского
окружения**

Совместная комиссия по изучению новейшей истории
российско-германских отношений

«...ХОТЬ РАЗ НАПИШУ ТЕБЕ ПРАВДУ»

Письма солдат вермахта из сталинградского окружения

Составитель и автор введения
Н. Э. Вашкау

РОССПЭН

Москва
2013

УДК 94(47)(430)
ББК 63.3(0)62
X85

*Составитель и автор введения
Вашкау Н. Э.*

X85 «...Хоть раз напишу тебе правду». Письма солдат вермахта из сталинградского окружения / Сост. Н. Э. Вашкау. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. — 135 с.

ISBN 978-5-8243-1752-7

Сборник писем немецких солдат из сталинградского окружения отражает трансформацию общественного сознания в нацистской Германии, происходившую в результате коренного перелома в войне.

Издание обращено к преподавателям, аспирантам, студентам, к широкому кругу лиц, интересующихся историей германского фашизма и Второй мировой войны.

УДК 94(47)(430)
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-8243-1752-7

© Вашкау Н. Э., составление, введение, 2013
© Российская политическая энциклопедия, 2013

Введение

Прошло семь десятилетий после Сталинградской битвы, но это событие истории Второй мировой войны остается болевой точкой российской и германской истории. Для России, для всего человечества Сталинград был и является символом военной и нравственной победы над фашизмом, символом тектонического перелома в величайшем вооруженном противостоянии XX столетия.

Образ битвы на берегу великой русской реки остается в памяти немцев обнаженным нервом массового сознания, знаком катастрофического поражения вермахта и необъяснимой стойкости советских солдат. Этот образ транслировался через воспоминания генералов, кинофильмы, художественные произведения, призванные оправдать поражение, представить выживших и вернувшихся из плена военнослужащих вермахта жертвами сложившихся обстоятельств. Правдивое освещение сражения под Сталинградом явилось необходимым компонентом сложного, неоднозначного, мучительного процесса «преодоления прошлого», извлечения уроков из трагедии «третьего рейха». «Этот город, – писала одна из газет ФРГ, – не оставляет равнодушным ни одного немца. Никто из нас не может вычеркнуть его из собственной истории»¹.

Частные, личные свидетельства этой битвы в течение десятилетий не были востребованы ни обществом, ни исторической наукой Федеративной Республики Германия. Должна была пройти естественная смена поколений, измениться общественно-политическая обстановка в мире, чтобы такой

¹ Die Welt. 30./31.I.1993.

сугубо приватный источник, как письма с фронта и на фронт стал не только отдельным открытием для семьи, но выступил бы полноправным свидетелем внутреннего состояния людей, находящихся в пекле войны, мог бы помочь осознанию собственного места и роли в этой войне. Изданные в ФРГ исторические работы 1950–1970-х гг. опирались на узкий и однотипный круг источников (приказы командования, сводки, воспоминания генералов вермахта), не добавляя ничего нового в сложившийся в условиях холодной войны образ Сталинграда.

Чем были письма для солдат на войне? Единственной ниточкой, связывавшей с домом. Это осознавало командование германской армии, придавая большое значение бесперебойному функционированию полевой почты. 25 ноября 1942 г. для снабжения немецких окруженных частей к 8-му авиационному корпусу присоединили находившиеся в 200 км юго-западнее Сталинграда авиачасти в Морозовской и Тацинской. Осуществление общей связи верховное командование вермахта поручило полевой почте № 408 8-го армейского корпуса, которая в качестве перевалочной базы находилась в районе Большой Россошки, в 15 км севернее аэродрома Питомник. Под постоянными налетами советской авиации военно-воздушным силам вермахта удавалось осуществлять транспортные переброски, хотя письма отправлялись в ограниченных количествах².

² В сталинградском котле находилось 25 корпусных и дивизионных отделений полевой почты. Если верить записям, оставленным войсковым почтмейстером полевой почты К. Циглером, с начала декабря 1942 г. до прекращения снабжения воздушным путем 23 января 1943 г. в «котле» было обработано 6,7 млн писем, причем 2,9 млн писем были отправлены из Сталинграда транспортом, вывозившим раненых. В результате наступления Красной Армии немцами были потеряны необходимые для снабжения окруженных германских войск аэродромы. Почтовая связь прервалась.

Моя работа над проектом по письмам немецких солдат началась с поездки в Германию для работы в архивах и библиотеках Берлина, Фрайбурга, Штутгарта, Мюнхена. Сотни прочитанных мной писем и дневников немецких солдат и офицеров потрясали содержанием, языком, метафорами. Обращения к самым близким людям перед лицом смерти или принятием решения, последние слова прощания...

Трудно представить себе реалии войны, не побывав там. Но можно попытаться это почувствовать, прочитав письма. Понять тех советских солдат, которые защищали Родину, понять, насколько им было тяжело, но они выстояли. Попытаться понять тех, кто пришел к нам с войной, понять, чтобы подобного больше никогда не повторилось.

Придать истории сражения на берегах Волги и Дона человеческое измерение оказалось возможным лишь после того, как в научный оборот были введены прямые свидетельства жизни и смерти окруженных немецких солдат, когда была осуществлена критическая проверка текстов, считавшихся прежде бесспорно достоверными.

Впервые письма с Восточного фронта были опубликованы в Германии в конце 1941 г. с предисловием Геббельса и представляли собой пропагандистскую подборку текстов, направленных против большевизма. В задачу составителя входило обоснование необходимости этой борьбы³.

Шумный успех в ФРГ имела публикация т. н. «Последних писем из Сталинграда», которая была представлена в 1949 г. журналом «Шпигель». Затем последовал выход в 1954 г. небольшого по объему сборника указанных писем немецких солдат, подготовленного западногерманским издательством

³ Кохут Т., Ройлеке Ю. «Подохнуть крысой под крестьянским башмаком...». Последние письма из Сталинграда // Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. М., 1994. С. 482.

«Бертельсман», с тем же названием⁴. Летом того же года был распродан дополнительный тираж в 21–30 тыс.⁵

Участник Сталинградской битвы, известный немецкий философ Вильгельм Раймунд Байер был первым, кто поставил под сомнение подлинность текстов, поскольку их содержание разительно отличалось от реальной обстановки на фронте, в которой он находился сам⁶. Его подозрения были вызваны неясным происхождением «последних писем», а также отсутствием имени издателя и наименования архива. Ученого насторожили «театральность» писем, их «хвастливый, заносчивый» тон, темы, которые «никак не затрагивали простых солдат»⁷.

Письма весьма пространны, занимают несколько страниц. Но у солдат, свидетельствовал Байер (если примем во внимание хронологию военных событий в Сталинграде. — *Н. В.*), не было ни времени, ни бумаги, ни условий для сочинения столь подробных посланий. Байер сам пережил эти события, участвовал в них. 10 января 1943 г. он был тяжело ранен и на следующий день эвакуирован с аэродрома Питомник — последнего аэродрома, способного принять самолеты люфтваффе. Дальше — лазареты в Люблине и Варшаве, отпуск на родину, военные действия во Франции.

Тексты т. н. «последних писем» охватывали значительные периоды времени, совершенно разные, отрезанные друг от друга, районы боевых действий. Уже поэтому письма не могли находиться в одной партии полевой почты (как это утверждалось издателями сборника). Кроме того, в январе 1943 г., когда исход сражения был предельно ясен, на самолетах, прорывавшихся сквозь завесу советского зенитного огня, вывозили в немецкий тыл, разумеется, не почту, а раненых.

⁴ Letzte Briefe aus Stalingrad. Gütersloh, 1954.

⁵ Кохут Т., Ройлеке Ю. Указ соч. С. 495.

⁶ Beyer W. R. Stalingrad. Unten, wo das Leben konkret war. Frankfurt a. M., 1987.

⁷ Ibid. S. 64–66.

На страницах «последних писем» — явно вымышленная история о раненом музыканте, игравшем на пианино «на маленькой улице» в центре Сталинграда: в городе не осталось никаких «маленьких улиц» — только руины. Не соответствовали действительности многочисленные детали фронтового быта. Солдаты прекрасно знали, что действует цензура, что каждое письмо перлюстрируется, поэтому фразы «Гитлер нас предал», «Германия погибла», равно как сообщения о том, что «200 тысяч солдат сидят в дерьме», были невозможны. Авторами текстов, свидетельствовал Байер, могли быть люди, которые «находились в совсем другом мире»⁸.

Почему «последние письма» имели оглушительный успех, были переведены на иностранные языки, по ним ставились кинофильмы? Почему прошло более 30 лет, прежде чем прозвучала первая трезвая оценка и критика этих публикаций? Потому, на мой взгляд, что сбор и изучение аутентичных человеческих документов не были востребованы ни в ФРГ, ни в ГДР, германское общество не было готово к восприятию нового, неожиданного, личного источника о другой стороне войны, где жизнь была «конкретна», страшна в своей неприкрытой правде⁹. Байер был первым из германских авторов, который

⁸ Ibid. S. 64.

⁹ В ФРГ вышло достаточно много изданий писем — от комплекта писем одного автора до подборок писем и воспоминаний. Все эти источники находились в германских государственных или семейных архивах. В публикациях авторы писем представляли жертвами, отсутствовали осознание обществом вины и сопричастности каждого простого взрослого немца к трагедии. Указанные сборники отвечали политической атмосфере холодной войны. См., напр.: Die Feldpostbriefe des Adelberg-Ottheinrich Rühle 1939–1942. Heusenstamm, 1979; Die Briefe des Peter Pfaff 1943–1944. München, 1988; Sehr selten habe ich geweint. Briefe und Tagebücher aus dem Zweiten Weltkrieg von Menschen aus Berlin. Zürich, 1992.

почувствовал изменение климата в обществе и подверг аргументированной критике эту публикацию.

Внимательному советскому читателю было известно отрицательное отношение к публикации писем Константина Симонова, который предположил, что документы были отобраны таким образом, чтобы убедить немецкого читателя, что «существует только трагедия немецкой армии»¹⁰, но не ставился вопрос о ее вине за совершенные преступления. Советская историческая наука на протяжении десятилетий отображала историю Великой Отечественной войны в победоносно-заданном направлении, ее, как правило, не интересовали источники, характеризующие состояние поверженного врага.

В начале перестройки, когда в СССР стал востребован новый, непредвзятый взгляд на историю войны, в серьезном журнале «Знамя»¹¹ были опубликованы в переводе на русский язык тексты из скандально известной за рубежом книги, но без какой-либо источниковедческой критики. Сегодня это можно объяснить незнанием критических публикаций, которые выходили за рубежом.

Почему этот вопрос не поднимался германскими учеными раньше? Почему историки обходили аутентичность писем молчанием? «Вероятно, потому, — пишет российский исследователь Александр Борозняк, — что форма и содержание псевдоисточника соответствовали стереотипам общественного сознания в годы холодной войны. Сталинград повсеместно вос-

¹⁰ Симонов К. Сегодня и давно. Статьи. Воспоминания. Литературные заметки. О собственной работе. М., 1974. С. 369–370.

¹¹ Последние письма немцев из Сталинграда // Знамя. 1990. № 3. С. 185–203. Подробнее см.: Борозняк А. И. Прошлое, которое не уходит. Очерки истории и историографии Германии XX века. Екатеринбург, 2004. С. 129–140.

принимался в первую очередь как символ страданий солдат и офицеров вермахта, а ужасающая правда о подлинных целях войны против СССР, о преступлениях вермахта вызывала отторжение у подавляющего большинства граждан Федеративной Республики. Налицо было невысказанное желание уйти от вопроса об ответственности за войну и за сталинградскую катастрофу, провести линию размежевания между Гитлером и вермахтом, что становилось особенно понятным в связи с вступлением ФРГ в НАТО»¹².

Долгое время письма немецких участников Второй мировой войны не интересовали ни российскую, ни немецкую стороны. Именно публикация Байера заставила новое поколение историков Германии снова обратиться к аутентичным источникам личного характера. Источниковедческий анализ подлинных писем стал возможным только в 1980-х гг.

Новое звучание было придано письмам солдат из сталинградского окружения как источникам повседневной истории, когда, по мнению ученых новой генерации Вольфрама Ветте и Герда Юбершера, начала исследоваться «повседневная жизнь маленького человека на войне»¹³. Осуществить эту задачу было невозможно без введения в оборот исторической науки принципиально новых достоверных источников, раскрывающих «другой лик войны», свидетельствующих об обстоятельствах жизни и смерти «тех, кто были внизу». Табу на «персональную историю» не вмещавшуюся в рамки, заданные холодной войной, постепенно разрушалось. В ФРГ была начата критическая проверка текстов, считавшихся прежде бесспорно достоверными.

¹² См.: Борозняк А. И. Указ соч. С. 131.

¹³ Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. Frankfurt a. M., 1992. S. 201.

В книге «Очень редко я плакал»¹⁴ авторы предисловия писали, что когда они в 1987 г. обратились к тем участникам войны на Востоке, кто вел дневник или сохранил письма дома, то были удивлены: бывшие немецкие солдаты с готовностью говорили о войне, они шли навстречу и отвечали на вопросы о том, как пережили эту войну.

Никакая другая эпоха немецкой истории так основательно не документирована и так горячо не обсуждается, как время нацизма. Разрушено табу о персональном неучастии в содеянном. И это относится не только к родителям, явно ощущается страх детей потерять уважение и любовь к своим отцам. Табу имеет две стороны: те, которые не хотел рассказывать, и те, кто не хотел слушать.

Поэтому историк, ставящий перед собой цель на основе привлечения писем военной поры ответить на серьезные вопросы о ее ходе, последствиях, проблемах вины и жертвенности солдат, должен максимально бережно «поймать» неуловимые изменения в оценках, сознании, рефлексии авторов через, казалось бы, обыденные факты и лингвистические штампы, присутствующие в письмах.

Вряд ли иной корпус источников по истории войны является столь многочисленным, личным и субъективным, как письма. Но одновременно эпистолярные источники ставят перед исследователем проблемы аутентичности, пределов влияния цензуры и самоцензуры, критики источника (внутренней и внешней), выбора методов обработки и анализа этого массового источника. Немаловажным вопросом является репрезентативность источника и возможности на этой базе делать далеко идущие выводы и умозаключения. И, наконец, насколько этот источник точно, объективно и с должной полнотой отвечает на вопросы, которые ставит исследователь: преступления

¹⁴ Sehr selten habe ich geweint. Briefe und Tagebücher aus dem Zweiten Weltkrieg von Menschen aus Berlin. S. 6.

вермахта, приверженность национал-социализму, осознание вины за собственные преступления и т. д.

Письма солдат на родину и их близких на фронт реально отражают эмоциональную составляющую партнеров по переписке. Речь идет о нормальной человеческой мирной жизни. Одновременно рядом с гуманистической и индивидуальной целями они имеют внутривойсковое и военное измерения¹⁵.

Интерес к солдатским письмам пережил в ФРГ новый всплеск начиная с середины 1980-х гг. В 1988–1998 гг. вышло большое число публикаций писем и дневников, а также исследований, основанных на анализе комплексов эпистолярных документов, хранящихся в различных архивах Германии¹⁶.

В письмах немецких солдат рефлексировалось восприятие войны и своего места в ней, осуществлялась обратная связь с родными, семьей, именно письма стали совершенно новым и неожиданно информативным источником о повседневной стороне жизни на войне. И по этому заряду коммуникации, сообщений, чувства, аутентичности с письмами не могли конкурировать приказы, официальные сообщения, дневники и воспоминания генералов.

Начало Второй мировой войны отличалось доминированием пропагандистских стереотипов в восприятии противника. Советский солдат был воспитан в духе пролетарской идео-

¹⁵ Andere Helme – andere Menschen? Heimerfahrungen im Weltkrieg. Essen, 1995.

¹⁶ «Zieh Dich warm an!». Soldatenpost und Heimatbriefe aus zwei Weltkriegen. Chronik einer Familie. Berlin, 1989; Kriegsalltag. Die Rekonstruktion des Kriegsalltags als Aufgabe der historischen Forschung und der Friedenserziehung. Stuttgart, 1989; Löffler K. Aufgehoben: Soldatenbriefe aus dem Zweiten Weltkrieg. Eine Studie zur subjektiven Wirklichkeit des Krieges. Bamberg, 1992; Sattler A. Und was erfuhr des Soldaten Weib? Private und öffentliche Kommunikation im Kriegsalltag. Hamburg, 1994.

логии. Как оказалось, с другой стороны тоже работала мощная идеологическая машина, но с другой направленностью. Тем более неожиданно воспринимаются мысли «между строк», например, из письма немецкого солдата, учителя по профессии, от 28 июля 1941 г., когда его рота идет победным маршем через неубранные поля России: «Мое сердце болит, когда я это вижу».

Однако подавляющая часть солдат поначалу воспринимала поход на Восток как «туристическую прогулку». В первых письмах рассказывается о бескрайних степях, далеком горизонте, небе, густых лесах. И одновременно — описание хижин, ужасных мест («забытый богом угол»), используются словосочетания «грязная страна», «грязь и большая нужда», причем это касается и стран Восточной Европы. Солдаты и офицеры вермахта смотрели на население восточноевропейских стран свысока, подчеркивали, что много лет понадобится, чтобы навести здесь «немецкую чистоту».

Клаус Латцель в статье, показательно названной «Туризм и насилие»¹⁷, пишет о том, что вермахт был инструментом не только политики, но и уничтожения. Сознание солдат, которые находились на фронте, адекватно отражало состояние немецкого общества. Латцель справедливо поставил вопрос об аутентичности, полноте источника и границах интерпретации военной действительности. Он подробно остановился на трех моментах: письма сообщают только о том, что известно солдатам из небольшого периода военных действий; только то, что авторы писем способны выразить словами; то, что авторы могут позволить себе сообщить из цензурных соображений. Некоторые направления исследования этой темы сформулиро-

¹⁷ Latzel K. Tourismus und Gewalt. Kriegswahrnehmungen und Feldpostbriefen // Vernichtungskrieg: Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944. Hamburg, 1995. S. 447–459.

вал Латцель в статье «Полевая почта: размышления о содержательности источника»¹⁸.

Автор рассматривает письма как исторический источник на конкретных комплексах писем одного автора, разных авторов, воевавших в разных странах¹⁹. Для него было важно, проведя обработку писем, ответить на вопросы об их авторах, о частоте повторений, об их отношении к врагу, к характеру войны («нормальная» война или война на уничтожение?), об отношении к смерти, о позиции относительно советского гражданского населения, об оценке категорий «жертвы», «герои», «долг», «честь» и т. д. Латцель сравнивает солдатские письма Первой и Второй мировых войн и выделяет в содержании писем 52 темы, которые так или иначе упоминаются в письмах. Историк приходит к выводу, что ожесточенность войны середины века берет свое начало в Первой мировой войне, он связывает роль и место вермахта с национал-социализмом²⁰.

К схожим выводам пришел и Мартин Хумбург. Он сосредоточился на анализе полевой почты немецких солдат из Советского Союза в 1941–1944 гг. Группируя темы, которые упоминаются в письмах, автор привлекал для анализа междисциплинарные достижения психологии и социальной истории²¹. Важно подчеркнуть, что автор работал с письмами, полученными адресатами и сохраненными в архивах. Этот корпус составили 739 писем, написанных 25 солдатами, что позволило ему про-

¹⁸ Latzel K. Feldpostbriefe: Überlegungen zur Aussagekraft einer Quelle // Verbrechen der Wehrmacht. Bilanz einer Debatte. Hamburg, 1995. S. 171–181.

¹⁹ Latzel K. Deutsche Soldaten – nationalsozialistischer Krieg? Kriegserlebnis – Kriegserfahrung 1939–1945. Paderborn, 1998.

²⁰ Ibid. S. 373.

²¹ Humberg M. Das Gesicht des Krieges. Feldpostbriefe von Wehrmachtssoldaten aus der Sowjetunion. 1941–1944. Opladen, 1998.

вести анализ по 90 темам, затронутым в письмах. Более подробно он выделяет социодемографические маркеры (возраст, профессия, место жительства, социальное положение и т. д.), на основе которых объясняет те или иные пассажи в письмах и пытается уловить изменение настроения авторов. Наконец, третья монография Тило Штенцеля²², который использовал комплексы писем из Библиотеки современной истории Штутгарта, дополняет этот ряд изданий 1998 г.

Диссертация Катрин Килиан посвящена оценке состояния архивной базы, возможностям, которые предоставляют те или иные коллекции писем, в ней подробно охарактеризованы предшествующие документальные публикации²³. В этом отношении показательна поистине титаническая работа, проведенная известным публицистом Вальтером Кемповски, который издал документальную хронику «Эхолот» в четырех томах общим объемом в 25 тыс. страниц, охватывающую события в Германии и на фронтах Второй мировой войны в январе и феврале 1943 г. В издании представлены письма, фотографии, воспоминания из самых разных источников²⁴. Исследователи получили труд, который нуждается в анализе и осмыслении, показывает возможности массовых источников в совокупности с другими отобразить объемную картину поведения человека на войне, трансформацию восприятия своего места в ней, пределы его нравственного выбора.

²² Stenzel T. Das Russlandbild des «kleines» Mannes. Gesellschaftliche Prägung und Fremdwahrnehmung in Feldpostbriefen aus dem Ostfeldzug (1941–1944/45). München, 1998.

²³ Kilian K. Das Medium Feldpost als Gegenstand interdisziplinärer Forschung. Archivlage, Forschungsstand und Aufbereitung der Quelle aus dem Zweiten Weltkrieg. Berlin, 2001.

²⁴ Kempowski W. Das Echlot. Ein kollektives Tagebuch. Januar und Februar 1943. Bände 1–4. München, 1993.

Тайная полиция отслеживала настроения солдат и мирных жителей, в том числе воздействие писем из окружения на общественное сознание. В предназначенном только для нацистской элиты закрытом обзоре СД (февраль 1943 г.) говорилось: «Имеет место убеждение, что Сталинград означает перелом в войне... Неустойчивые соотечественники склонны видеть в падении Сталинграда начало конца»²⁵.

Читатель должен помнить, что немецкие письма, как и советские, подвергались цензуре. Причем это был внешний контроль, когда письмо вскрывалось, зачеркивались или вырезались фразы или выражения, нарушавшие правила цензуры. Это были специальные цензурные отделения, которые отмечали спецштемпелем проверенные письма. Внешняя цензура была барометром, который показывал душевное состояние солдат. В некоторых письмах солдаты упоминают об этой цензуре.

К внутренней цензуре (самоцензура) относилось собственное отношение солдат к тому или иному событию на фронте и возможности об этом рассказать. Немецкие историки, посвятившие данному вопросу несколько исследований, выделяют следующие условия, которые влияли на солдата: принадлежность к той или иной языковой или диалектной группе, собственные представления о мире, религиозное сознание, идеологические стереотипы, тормозившие осознание полученного опыта, сортировавшие его, принадлежность к политическим институтам (государству, союзам, партиям, церкви и т. д.), к определенному поколению, социальному слою²⁶.

²⁵ Цит. по: Boberach H. Stimmungsumschwung in der deutschen Bevölkerung // Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. S. 64.

²⁶ См.: Kosellek R. Der Einfluss der beiden Weltkriege auf das soziale Bewusstsein // Der Krieg des kleinen Mannes. Eine Militärgeschichte von unten. München, 1992. S. 326.

Практически в каждом третьем письме из проанализированной нами почты немецких солдат и офицеров сообщается о противнике или гражданском населении. Обозначаются они как «русский»/«русские». Гораздо реже — «Иван», «враг», «злой враг», еще реже встречаются пропагандистские стереотипы: «большевики», «красные», «советские». Очень редко: «собаки», «негодяи», «косоглазые».

Война воспринималась и отображалась по-разному: одно видение было у солдата — стрелка танка на Восточном фронте и совершенно иное у связиста или повара в интендантской роте. На войне не только сражаются, но и меняют место дислокации, беседуют по вечерам, охраняют тыловые коммуникации, бездельничают, пьют хорошее французское вино (офицеры). Как раз об этих буднях идет повествование, причем на первом этапе это, как правило, позитивные, с юмором описания фронтового быта. Об опасности, тяготах, отваге нет упоминаний, они воспринимаются как необходимая работа, долг, который нужно быстро выполнить и вернуться к домашним заботам.

Цитата из письма: «Теперь наступила передышка — что бывает весьма редко, я решил написать, несмотря на то что сижу в щели, *а недалеко от меня сидит русский, которого я уже изучил в совершенстве* (выделено мною. — Н. В.). Теперь он успокоился... Пишу после перерыва, так как я увлекся письмом и неосторожно высунулся, а русский воспользовался этим и открыл огонь. Теперь опять спокойно»²⁷.

В ходе наступления вермахта летом 1942 г. преобладали описания природы, встреч с жителями русских деревень, подчеркивалась нищета, бедность территорий, через которые двигались хорошо экипированные немецкие моторизованные

²⁷ Сталинградская эпопея. Впервые публикуемые документы, рассекреченные ФСБ РФ. М., 2000. С. 95.

части. Все мечтают об отпуске (и получают отпуски), делают фотографии и на отдыхе оформляют альбомы: «Ты получила 84 мои фотографии?». Строят планы: «Рождество 1942-го мы отпразднуем в Сталинграде» (письмо от 20 ноября 1942 г.)²⁸.

Настроения в представленных в настоящем издании письмах имеют четко выраженные временные рамки. Если до ноября 1942 г. послания немецких солдат из Сталинграда мало отличались от писем с других участков фронта, то с началом советского контрнаступления содержание корреспонденций существенно меняется — от бравурных или успокаивающих до трезвых и критических. В письмах появляется более разумная оценка положения: «Война — это не только наши победы, у нее есть много других сторон. Здесь разыгрываются настоящие трагедии, а мы, их виновники, ни о чем не думаем и делаем то, что приказано... Русские — хорошие солдаты, хотя у них ничего нет, только пехота и танки», — пишет 28 июля 1942 г. с Восточного фронта солдат Генрих Линднер²⁹.

Очень часто встречается характеристика русских как неожиданно сильного противника: «Со вшами, как с русскими, — одну убьешь — десять новых появляется»³⁰; «Собаки, они сражаются, как львы»³¹. Когда положение на фронте становится все серьезнее, появляется трезвая оценка противника: как воюют советские солдаты, каковы их техника, вооружение, обмундирование. Встречаем выражения «русский — храбрый», «он ожесточенно защищается», «русские танки разъезжают по

²⁸ Разгром немцев под Сталинградом. Признания врага. М., 1944. С. 10.

²⁹ По обе стороны фронта. Письма советских и немецких солдат 1941-1945 гг. М., 1995. С. 193.

³⁰ См.: Knoch P. Das Bild des russischen Feindes // Stalingrad. Myth und Wirklichkeit einer Schlacht. S. 166.

³¹ Собрание Р. Штерца. Письмо ефрейтора Г. С. от 5 ноября 1942 г.

нашим позициям»; «русские летчики очень дерзкие». Немецкий солдат еще не видит врага в лицо, не сталкивается с ним в рукопашном бою, но то, что противник силен, оценивает и отмечает в своем письме даже водитель машины, подвозящий еду на передовую линию³².

Немцы привыкли воевать комфортно и с тыловым обеспечением поначалу не было проблем. Но с октября 1942 г. практически в каждом письме содержится просьба о посылках из дома. Стандартный набор — колбаса, масло, мясо, сигареты и чаще всего — «кухен» (пирог, пирожное). Эта идея для некоторых солдат становится просто навязчивой, она повторяется вновь и вновь в письмах, хотя солдаты еще не голодают.

До начала войны большинство немцев представляло русский народ как полуголодную и тупую массу. Но, столкнувшись лицом к лицу с русскими, немецкие солдаты увидели, что советский солдат носит нательный крестик, религиозен (это обнаруживается, когда красноармейцы попадают в плен), хорошо разбирается в технике (эта сторона открылась при общении с остарбайтерами), что среди населения на удивление низок процент неграмотных.

В зависимости от этапа войны отношение к врагу меняется, приобретает различные оттенки. О гражданском населении пишут: «Голод, который невозможно описать. Дети, женщины, старые мужчины лежат на улице, хотя они наши враги, мне жаль» (письмо от 6 ноября 1942 г.).

Невольное сравнение себя с противником можно обнаружить в большинстве немецких солдатских писем и в дневниках офицерского состава. Там, где идет речь о снабжении продовольствием и обмундированием, описывается, как экипированы советские солдаты (упоминаются полушубки, валенки, шапки), и рядом фраза: «У меня отморожены пальцы, но ты не беспокойся, это пустяки».

³² Knoch P. Op. cit. S.162.

Рождество 1942 г. стало водоразделом в восприятии действительности. Каждое письмо немецкого солдата из Сталинграда содержит мольбу к Богу, воспоминания о доме: рождественские свечи, кухон, елка, описание платья, в котором жена была на прошлом Рождестве... А здесь — самодельная свеча в консервной банке... Характерна фраза в записной книжке Вернера Клея от 26 декабря 1942 г.: «Сегодня ради праздника сварил кошку»³³. Этот факт он не мог из соображений военной цензуры и сохранения спокойствия близких сообщить в письме. Немалое число писем содержит прямые указания на нехватку продовольствия: «Шесть недель не едим досыта»; «Однажды я подстрелил сороку и съел ее; скоро я погибну от голода» (оба письма от 29 декабря 1942 г.)

Выдающийся советский писатель Василий Гроссман запечатлел картину апокалипсиса немцев в корреспонденции из Сталинграда, датированной 19 декабря 1942 г. «Для них нет здесь солнца, нет света дня, им выдают сейчас двадцать пять — тридцать патронов на день, им приказано вести огонь лишь по атакующим войскам, их рацион ограничен ста граммами хлеба и конины. Они сидят, как заросшие шерстью дикари в каменных пещерах, и гложут конину, сидят в дымном мираже, среди развалин уничтоженного ими прекрасного города, в мертвых печах заводов... И пришли для них страшные дни и ночи, когда им определено встретить возмездие здесь, среди холодных развалин, во тьме, без воды, глoday конину, прячась от солнца и дневного света под жестокими звездами русской декабрьской ночи»³⁴.

Пропагандистские лозунги уже не достигали цели: «Многие повесили головы. Некоторые уже твердят, что застрелят-

³³ Разгром немцев под Сталинградом. Признания врага. С. 47.

³⁴ Гроссман В. Сталинградская битва. М., 1946. С. 77–78. Обратим внимание на столь характерное для русской лексики военных лет обозначение немцев — «они»!

ся» (из дневника офицера Ф. П., 25 ноября 1942 г.³⁵). Или: «Старый год приближается к концу. Только что говорил Геббельс, энтузиазма он у нас не вызвал. Уже много недель, как энтузиазма и в помине нет. Что у нас в изобилии, так это вши и бомбы», — пишет обер-ефрейтор Генрих Гейнеман жене 31 декабря 1942 г.³⁶

Авторами писем являются представители разных возрастных групп, неравного уровня образования и социального статуса. Описания событий отличаются у офицера связи, офицера на передовой или простого солдата, в прошлом рабочего, который мечтает, вернувшись домой, окунуться в прежнюю жизнь, забыть о пережитом. Офицеры больше рефлексиируют, пытаются разобраться в обстановке, задают себе вопрос: как так получилось, что Гитлер их оставил? Почему не подвозится продовольствие, и армия умирает с голоду на глазах?

Если до ноября 1942 г. содержание писем немецких солдат из Сталинграда мало отличалось от писем с других участков фронта, то с началом советского контрнаступления тональность корреспонденции существенно меняется. Когда положение на фронте становилось все серьезнее, появилась трезвая оценка противника — как советские солдаты сражаются, каковы техника, вооружение, обмундирование. Встречаются выражения: «русский — храбрый», «ожесточенный», он «защищается». Все письма содержат, казалось бы, незначительные факты — описание погоды, ожидание почты, воспоминания о жизни дома, вопросы к родным, надежду на отпуск, сетования на болезни, завшивленность, голод, чувство одиночества и, как последнюю надежду, упование на Бога, который прекратит их страдания...

³⁵ Разгром немцев под Сталинградом. Признания врага. С. 51.

³⁶ Там же. С. 44.

В письмах нет прямых рефлексий по поводу политики нацистского командования, нет попыток анализа причин сложившегося положения. Солдаты знали о цензуре и зачастую не рисковали сообщать об истинном положении вещей. Но само описание ежедневного пайка, навязчивое желание получить в посылке от родных мармелад, сладости, прямые слова об интенсивности наступления советских войск — все это показывает, что солдаты намного меньше оглядывались на цензуру, представляя себя, однако, не виновниками войны, но жертвами обстоятельств. Из писем исчезает упоминание о русских как о противнике, образ врага постепенно вытесняется из сознания, замещается мыслями о бессмысленности существования, нахождения в чужой стране, куда их привела нацистская диктатура.

Мысли о возможной альтернативе, робкие раздумья можно «уловить» в некоторых письмах. Безусловно, в них нельзя найти прямого призыва «долой Гитлера». Но размышления солдата, сравнение его положения в разные периоды войны, на разных театрах военных действий, его изменившееся восприятие призывов власти можно обнаружить. Вот строки из дневника: «Слушал речь Гитлера. Штопал носки». «Кто не слышал “органа”³⁷ и не стоял под его огнем, тот не знает России», — пишет ефрейтор Вилли Шульц 13 ноября 1942 г. «Каждый день мы задаем себе вопрос: где же наши спасители, когда наступит час избавления, когда же? Не погубит ли нас до того времени русский?» (из письма гаупт-вахмистра Пауля Мюллера жене 31 декабря 1942 г.).

Практически в каждом письме перед Рождеством и до самого конца солдаты пишут о посылках, которых никак не дождутся, составляют целые списки того, что бы они хотели по-

³⁷ Так немцы называли советскую многоствольную реактивную установку («катюшу»).

лучить, и тут же с точностью до грамма перечисляют, что ели в последний раз: конина, сухой хлеб, ничего... В январских письмах 1943 г. уже вопль о помощи: «Часто задаешь себе вопрос: к чему все эти страдания, не сошло ли человечество с ума? Но размышлять об этом не следует, иначе в голову приходят странные мысли, которые не должны были бы появляться у немца»; «Если мы выберемся из этой преисподней, мы начнем жизнь сначала»; «Хоть раз напишу тебе правду»...

Даже один и тот же автор (он назван только по имени: Ганс) по-разному пишет двум адресатам — сестре Лотти и любимой Габриеле. Письма датированы 19 января 1943 г. От возлюбленной он ждет писем, и его настроение трагично: «Если бы у меня не было тебя, я бы давно потерял надежду, стал бы во всем сомневаться. Мысли о тебе поддерживают меня. Но этому нет конца, ты не представляешь, я сыт по горло. Все предчувствуют конец, не только я. Но ни один не может этого сказать»³⁸. Ганс обращается к Габриеле: «Я не могу об этом написать своей сестре и нанести раны ее сердцу. Она и так все достаточно тяжело переносит. Но ты принадлежишь мне, и мы должны переносить эти горести совместно и говорить о них друг другу. Мы все еще в котле, и о том, что здесь происходит, ты знаешь из военных сообщений». Письмо сестре короче и посвящено ожиданию почты.

За время боев под Сталинградом и в самом городе солдаты вермахта в полной мере узнали силу сопротивления советских воинов, по достоинству оценили их мужество и воинское мастерство. В письмах родным и знакомым немецкие солдаты, несмотря на жестокую цензуру, откровенно сообщали о том, какая драма разыгралась на улицах и площадях разрушенного, но не сломленного города.

³⁸ Ich will raus aus diesem Wahnsinn. Deutsche Briefe von der Ostfront 1941–1945. Aus sowjetischen Archiven. Wuppertal, 1991. S. 231–232.

После того как замкнулось кольцо окружения, германское командование призывало солдат 6-й армии «напрячь все силы», «выполнить приказ фюрера». Оно сулило им «скорую победу и желанный отдых». В некоторых письмах все еще звучали слова надежды и самоуспокоения. Обер-ефрейтор Франц Пальтер писал 20 января 1943 г. (до капитуляции оставалась неделя) своим родным: «Дорогие! Нахожусь на старом месте, все еще здоров, бодр и доволен, надеюсь на то, что котел, в котором мы оказались, по слухам, все еще открыт. Тогда — ура! Это — снабжение и боеприпасы. Надеюсь, что это правда, что в будущем наши условия улучшатся». Ефрейтор Вернер Хойман писал родителям: «Мои дорогие родители. Судя по распространенным различным лозунгам, наше положение нельзя назвать неблагоприятным. Будем же надеяться на лучшее и молиться о счастливом конце». Но это объяснимое с психологической точки зрения желание самых сильных духом людей не «потерять лицо» перед родными. Они часто заканчивали письма уверениями в том, что увидятся живыми и здоровыми, уповали на судьбу, Бога, искали защиты у матерей, к которым они обращались с такими проникновенными словами, какие никогда не произносили в прежнем, устоявшемся, упорядоченном мире своего дома. Осознание того, что они брошены на произвол судьбы, не влияют на ход событий, не проявляют инициативы и ждут избавления извне, порождало иллюзию надежды буквально на сверхъестественные силы.

Образ врага претерпевает изменения — он исчезает из писем, но солдаты не готовы признать свою страну виновницей конфликта, собственного бедственного положения, они ищут оправдания. Артиллерист Роберт Дрешер написал весточку родителям, предчувствуя скорую гибель, он вспоминает свою прошлую жизнь и благодарит близких людей за любовь, заботу и терпение. Но для нас показательным является то, что, умирая из-за преступных устремлений национал-социалистического руководства, солдат не разочаровался в нем, а,

наоборот, завершает письмо такими строчками: «Вы должны гордиться мной. Вы должны поднять головы и не печалиться, что принесли такую жертву в этой войне. Да здравствует фюрер! Да здравствует Германия!»³⁹

Предсмертная реальность изменила сам язык, форму обращения, темы писем. Если раньше офицеры писали строки из стихов любимых поэтов, которые навеивал безмятежный пейзаж бескрайней украинской степи, то теперь, когда смерть стала повседневным явлением, когда остались только животные инстинкты, все условности и воспитание были отброшены. Среди авторов писем люди, находившиеся на разных ступенях социальной, образовательной и возрастной лестниц. Но в пограничной ситуации между жизнью и смертью они стали равны.

И все сильнее сомнения в победе Германии, ощущение естественной правоты загадочного русского народа, который воспринимается как часть природной стихии, противостоящей им. И уже то пространство, которое немецкий солдат преодолевал на машинах стремительно летом 1941 г., оценивается совсем иначе, когда он сталкивается с сопротивлением Красной Армии: «Из этой борьбы против русской земли и против русской природы едва ли немцы выйдут победителями. Здесь мы боремся не против людей, а против природы... Это — месть пространства, которой я ожидал с начала войны» (из дневника лейтенанта Брандта, 5 сентября 1943 г.).

Письма немецких солдат свидетельствуют о том, что фашистская пропаганда уже не воспринималась так, как прежде. Некоторые авторы писем давали объективную оценку событиям. Характерно в этом отношении письмо обер-ефрейтора Бруно Калиги от 31 декабря 1942 г. Приведем его почти полностью: «Дорогие родители! Сейчас канун Нового года, я ду-

³⁹ Botschaft der Gefallenen. Briefe aus dem II. Weltkrieg. Berg, 1990. S. 63–64.

маю о доме, и у меня разрывается сердце. Так здесь все плохо и безнадежно... Голод, голод, голод и к тому же вши и грязь. День и ночь нас бомбят советские летчики, и артиллерийский огонь почти не прекращается. Если в ближайшее время не совершится чудо, я здесь погибну... У меня больше нет надежды. Я прошу вас не плакать, если вы получите известие, что меня уже нет. Будьте добры по отношению друг к другу, благодарите Бога за каждый дарованный вам день».

Единственным спасением, помогавшим психологически уйти в мир грез и надежд, были письма из дома, которые они мучительно ждали, перечитывали и хранили как последнюю спасительную ниточку связи с миром, который уже не увидят, и писали письма, уже не сознавая, что их никто не прочтет.

Катастрофа 6-й армии под Сталинградом стала символом общей военной катастрофы на Востоке, заносчивости национал-социалистического руководства, бессмысленности т. н. «героической смерти на поле чести». То, что поражение было условием освобождения немцев от тоталитарной диктатуры, остается горьким, но неопровержимым фактом. Это суждение последующих поколений не умаляет страданий жертв и не отменяет скорби. Но оно предохраняет от лживого представления о равенстве вины⁴⁰.

Официальное сообщение о гибели окруженной армии Паулюса было передано в Германии по радио 3 февраля 1943 г., в стране был объявлен государственный траур. После поражения под Сталинградом в Германии наметилась тенденция реального перелома в сознании общества и в отношении к власти. Письма косвенно это отражают. Режим предпринял все меры, чтобы в конце января и в начале февраля 1943 г. сбить

⁴⁰ Эхтернкамп Й. «Немецкая катастрофа»? О публичной памяти о Второй мировой войне в Германии // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 87.

в народе волну недоверия после ужасающей гибели целой армии. Такие настроения начали распространяться и в армии, и в тылу. Достаточно вспомнить деятельность «Белой розы» — организации молодых мюнхенских антифашистов, которые почувствовали переломное значение Сталинграда и в листовках прямо указывали на это⁴¹. Происходившее в России заставило молодых студентов-медиков ужаснуться, потрясло их сознание и придало новый импульс борьбе против гитлеровской диктатуры.

Это подтверждается также воспоминаниями Вильгельма Раймунда Байера и Иоахима Видера⁴², которые не апологетичны, как многие публикации периода холодной войны, но — объективны. Биография любого солдата, прошедшего через Сталинград, — это гибель однополчан, голод, болезни, вши, ощущение нарастающей безнадежности положения войск, брошенных командованием. И в «котле» работали военные трибуналы, вынесшие, по официальным данным, 364 смертных приговора. Байер считает эту цифру сильно заниженной⁴³. В книгах, изданных в ФРГ, не говорилось о массовом завшивлении солдат, а между тем, убежден Байер, кто не пишет о вшах, «не имеет права писать о Сталинграде»⁴⁴.

«Человек против человека, человек за человека» — так назвал свой представленный немецким слушателям доклад Ми-

⁴¹ Die Weiße Rose. Ausstellung über den Widerstand von Studenten gegen Hitler. München 1942/1943. München, 1999.

⁴² Видер И. Катастрофа на Волге. Воспоминания офицера-разведчика 6-й армии Паулюса. М., 1965.

⁴³ Beyer W. R. Op. cit. S. 47.

⁴⁴ Ibid. S. 29. Подробнее см.: Борозняк А. И. «Груз выстраданного прошлого». Сталинградская битва сквозь призму философской истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 32. М., 2010. С. 308–322.

хаил Гефтер — выдающийся российский мыслитель, солдат-доброволец, тяжело раненный под Ржевом. И этот человек мучительно вырос из осознания катастрофы жизни, идеалов, идеологических установок об образе другого как образе врага. И все же подавляющее большинство немцев восприняло окончание войны как национальную катастрофу. Те, кто откладывали рассказы об ужасах войны до возвращения, предпочитали и потом не вспоминать об этом, письма, бережно хранимые женами и матерями, не перечитывали. И только дети, неожиданно наталкиваясь на старые папки, открывали для себя своего отца заново... Так и называются некоторые предисловия к изданию писем немецких солдат вермахта, подготовленные их детьми: «Открытие собственного отца»⁴⁵.

В 1950-х гг. немцы считали себя не виновниками преступлений, а жертвами и побежденными в обычной войне. Безбедное существование, не связанное с личной ответственностью за преступления, но возможное при условии извлечения выгод из массовых преступлений, — это определяло сознание большинства немцев. И нужны были годы, чтобы оставшиеся в живых солдаты (те, кто оказались на это способны!) прошли мучительную дорогу осознания своего фронтового опыта и передачи его последующим поколениям.

Василий Гроссман в романе «Жизнь и судьба» четко охарактеризовал изменения в настроениях немцев: «Но имелись особые изменения, начавшиеся в головах и душах немецких людей, окованных, зачарованных бесчеловечностью национального государства, они касались не только почвы, но и подпочвы человеческой жизни, и именно поэтому люди не понимали и не замечали их. Этот процесс ощутить было так же

⁴⁵ Hoffmeier H./ Volker K. (Hrsg.) Ich habe keine Hoffnung mehr. Soldatenbriefe aus Russland 1942–1943. Berlin, 2004. S. 20.

трудно, как трудно ощутить работу времени. В мучениях голода, в ночных страхах, в ощущении надвигающейся беды медленно и постепенно началось высвобождение свободы в человеке, то есть очеловечивание людей, победа жизни над нежизнью... Кто из гибнущих и обреченных мог понять, что это были первые часы очеловечивания жизни многих десятков миллионов немцев после десятилетия тотальной бесчеловечности!»⁴⁶ Для Федеративной Республики Германия было знаменательно, когда президент страны Рихард фон Вайцеккер в 1985 г. в официальной речи в парламенте подчеркнул, что, несмотря на индивидуальные судьбы многих миллионов людей, события 1945 г. означали освобождение. Это был долгий путь к признанию вины и ответственности немецкого народа.

Публикации писем в 1950–1970-х гг. не имели заметного резонанса, так как в обществе доминировали оценки немцами себя как жертв, общество было не готово воспринять правду, говорить о ней. Но сменились поколения, выросла новая генерация, которая после «спора историков» 1986–1987 гг. начала ставить неудобные вопросы и отвечать на них со всей прямоотой. Обращение к архивам, к сюжетам, которые еще 10–15 лет не могли найти своего читателя, привели к большому интересу со стороны общества и к выставке с непривычным для Германии названием «Война на уничтожение. Преступления вермахта в 1941–1944 гг.», прошедшую с марта 1995 до ноября 1999 г. в 32 городах Германии. Новый виток интереса общественности к проблемам вины и жертвам обстоятельств или собственного выбора каждого немца проявился в горячей дискуссии в германских газетах о новой книге интернационального состава ученых об участии МИД Германии во всех преступлениях нацистского режима.

⁴⁶ Гроссман В. Жизнь и судьба. М., 1989. С. 550–551.

Газета «Badische Zeitung», откликаясь на дату 70-летия начала Второй мировой войны, обратилась к письмам из собрания Штерца. Она процитировала часть из них, приглашая читателей проникнуться рассказами нескольких солдат из 20 миллионов немцев, совершивших кровавый поход по Европе, и составить при этом собственное мнение о войне и нацистской диктатуре. Данный факт показывает, что этот источник востребован сегодня как никогда прежде⁴⁷.

Работа над письмами из сталинградского окружения приобрела в современной России общественное звучание. Эта тема присутствовала на авторитетных международных научных конференциях⁴⁸, в совместных проектах российской и немецкой молодежи, осуществленных Волгоградским государственным университетом⁴⁹. Студенты двух стран читали письма советских и немецких солдат, пытались проникнуть в

⁴⁷ Badische Zeitung, 29.VIII.2009.

⁴⁸ Петрова Л. Ф. Письма немецких солдат из окружения под Сталинградом // Сталинград: чему русские и немцы научились за 60 лет. Материалы Международной научной конференции. Волгоград, 3–5 апреля 2003 г. Волгоград, 2003. С. 95–101; Вашкау Н. Э. Письма немецких солдат из окружения как источник по истории Сталинградской битвы // Сталинградская битва. Взгляд через 65 лет. Материалы международной научно-практической конференции 1–2 февраля 2008 г. Волгоград, 2008. С. 380–384.

⁴⁹ Центром германских исторических исследований Волгоградского государственного университета осуществлены два международных молодежных проекта: «Мосты между городами. Волгоград и Веймар» (март – июнь 2009 г.) и «Сталинград. Твое имя. Наши голоса» (май – июль 2010 г.). С российской стороны участвовала группа студентов Волгоградского государственного университета (руководитель Нина Вашкау). Немецкую сторону представляли студенты из Веймара (руководитель Элиза Сатюков) и Франкфурта-на-Майне (руководитель Юдит Циммерман).

ткань времени, переосмысливали многое из того, что, казалось, было ранее незыблемым. Письма дали новые знания, показали ценность общения, а самое главное — заставили задуматься о ценности человеческой жизни. Когда молодые люди посетили кладбище в Россошках (где рядом находятся могилы советских и немецких солдат), один из немецких студентов с болью в голосе, обращаясь скорее к себе, сказал: «Зачем наши деды пришли сюда?»

Молодое поколение историков, которое только начинает вхождение в профессию, анализируя человеческие документы, «непреднамеренные свидетельства», какими являются письма из сталинградского окружения, учится проникать «глубже лежащих на поверхности фактов», узнавать между строк документа о прошлом «значительно больше, чем ему угодно было нам открыть»⁵⁰.

Указанные эпистолярные документы резко отличаются от воспоминаний, которые пишутся с целью последующей публикации, от переписки официального характера. Личные письма не предназначались для прочтения (за исключением цензуры) или публикации. Поэтому они тем более ценны, поскольку отражают, нередко с беспощадной откровенностью и прямоотой моральное и физическое состояние немецких солдат и офицеров. Перед исследователем предстает «субъективная реальность» сталинградского окружения — предсмертные мысли и чувства людей, попавших в колеса гитлеровской военной машины и выступавших в двойной роли — роли преступника и жертвы.

Постепенно меняется сознание, совершенствуется методология исторических исследований, в обиход историков прочно вошел инструментарий «устной истории», «истории повседневности».

⁵⁰ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973. С. 51, 85.

Какие новые вопросы ставят эти источники, какие новые горизонты открывают? В первую очередь необходимость их использование как полноправных источников по истории Великой Отечественной войны, наряду с приказами, отчетами, другими делопроизводственными материалами, периодической печатью и воспоминаниями.

Я убеждена, что письма, опубликованные на русском языке и обращенные к российской аудитории, помогут читателю по-другому взглянуть на противника, по-другому оценить, прочувствовать цену Победы. Письма немецких солдат, отражающие историю Сталинградской битвы из окопа, в новом ракурсе, побуждают размышлять и современную молодежь России. Для нового поколения историков это повод обратиться к своему семейному архиву, тема компаративного исследования противостоящих друг другу образа солдата вермахта и образа советского солдата. Очень важно, на наш взгляд, использование писем с фронта (в том числе и советских солдат) как дидактического материала в школах и вузах, где формируются основы патриотизма и долга, ответственности и совести молодежи.

И последнее. Длительная работа над письмами, многократное их прочтение и сравнение текстов привели к удивительному открытию: письма одного автора — Иосифа к своей жене Пауле — встретились в моих руках, разделенные временем и местом их хранения. Первое письмо, датированное 7 декабря 1942 г., хранилось в Особом архиве (Москва), письмо от 15 января 1943 г. осталось в Сталинграде. Встретились они на страницах этой книги. Прочтите их.

* * *

Настоящая публикация писем принципиально отличается от предыдущих, поскольку документы взяты из российских и германских архивов и библиотек, а также публикаций, осу-

ществленных в последние годы немецкими учеными. Я рассматриваю свой проект как попытку формирования единого свода источников — полевой почты германских солдат за определенный период времени, который позволит придать новый импульс научному исследованию истории Сталинградской битвы.

Впервые сведены и публикуются на русском языке документы из различных источников — опубликованных и неопубликованных. Несмотря на различное происхождение — это части одного комплекса. В нашем распоряжении четыре группы источников, различающихся принципами, целью, местом формирования и хранения. В эпистолярных документах отражены события периода от начала контрнаступления под Сталинградом (19 ноября 1942 г.) до завершения операции по уничтожению окруженных сил вермахта. Последнее из представленных писем датировано 20 января 1943 г.

Первый комплекс писем включает в себя тексты из достаточно редкого издания, которое было опубликовано, когда Великая Отечественная война находилась в стадии завершения. Книжечка карманного формата под названием «Разгром немцев под Сталинградом. Признания врага» объемом 2,5 печатных листа была подготовлена коллективом сотрудников Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б). На обложке лозунг «Смерть немецким оккупантам!». Письма были выпущены в пропагандистских целях ограниченным тиражом военным издательством Народного комиссариата обороны уже в 1944 г. (подписано к печати 11 марта 1944 г.)⁵¹. Переводы писем были выполнены квалифицированными переводчицами Н. И. Непомнящей и И. М. Синельниковой.

⁵¹ Разгром немцев под Сталинградом. Признания врага.

Предлагавшаяся вниманию читателей публикация из архива ИМЭЛ содержит отрывки из 100 писем, адресованных родным, и 13 писем, полученных из дома. Также помещены выдержки из 12 дневников немецких солдат и офицеров, окруженных под Сталинградом, и отрывки из показаний 19 пленных солдат и офицеров, а также нескольких генералов. Большая часть писем относится к ноябрю, декабрю 1942 и к первой половине января 1943 г. Особенно много писем было датировано 18 ноября (12 писем), 20 ноября (8 писем) и 31 декабря 1942 г. (15 писем).

Среди авторов писем больше всего обер-ефрейторов (15), ефрейторов (36), унтер-офицеров (14) и солдат (14). В сборнике приводятся имя, фамилия, воинское звание, наименование частей, род войск. Указана степень родства тех, кому адресовалось письмо: родители (29 писем), жена (28 писем), невеста (4), очень редко (в 6 случаях) — друзья на других фронтах, указан номер полевой почты и дата написания письма.

Публикуемые письма не предназначались для печати. Немецкие солдаты писали только для себя, своих родных. Несмотря на страх перед военной цензурой, солдаты откровенно высказывали свое недовольство и страх перед грядущим. Они начали осознавать свое положение и вынуждены были признать, испытывая на себе силу советского оружия, мощь Красной Армии и мужество ее воинов. Особенно это подчеркивалось в опубликованных отрывках из допросов пленных офицеров и солдат. Материалы сборника дают немало ярких штрихов, которые дополняют картину грандиозного разгрома немецко-фашистской армии под Сталинградом.

Почему этот источник был практически не замечен исторической наукой, не использовался и даже не упоминался в изданиях, вышедших в нашей стране после войны? Он не отвечал той обстановке, которая сложилась в военной науке, политической атмосфере, когда источник снизу не вызывал интерес военных историков, а методология изучения повседневности

не была разработана ни советскими, ни германскими учеными⁵². Письма из этого источника открывают сборник.

* * *

Комплекс уникальных эпистолярных источников — подлинные письма полевой почты 6-й армии хранятся в музее-заповеднике «Сталинградская битва» Волгограда. По поручению председателя Городского комитета обороны Сталинграда Алексея Чуянова военные журналисты под руководством корреспондента «Красной звезды» Василия Коротеева сразу после окончания битвы начали собирать военные трофеи для будущего музея. В 1943 г. в фонды Сталинградского государственного музея обороны (ныне музей-заповедник «Сталинградская битва») поступили большие коллекции немецких документов, захваченных в ходе ликвидации окруженной группировки противника, в том числе несколько мешков с письмами полевой почты. Большинство из них были обнаружены советскими воинами в немецких штабах и блиндажах, часть найдена в развалинах города.

До 1953 г. письма немецких солдат хранились в неразобранном виде в запасниках музея, но затем по распоряжению областного управления МВД мешки с письмами были сожжены в котельной музея обороны Сталинграда. Но, справедливо считая, что письма представляют большую историческую ценность, главный хранитель фондов Анна Бондаренко и зав. отделом Татьяна Науменко часть их спасли от уничтожения.

⁵² Известный волгоградский историк Борис Абалихин (1930–1994) привел несколько выдержек из указанной брошюры в издании, посвященном юбилею Сталинградской битвы. См.: Мир, признательный Сталинграду. Волгоград, 1973. С. 42, 44, 47, 58.

Только в 1983 г. старший научный сотрудник, хранитель фонда письменных источников, немка по национальности, Ольга Ратке, читавшая готический письменный шрифт, уже в новом здании музея приступила к разбору и систематизации этих исторических памятников. Все письма лежали в пакете с надписью «Вражеская пропаганда»⁵³.

Письма были отреставрированы, переведены на русский язык. Трудности их исследования заключались в неразборчивости почерка, в своеобразном изложении, в плохой сохранности документов. Нередко с письмами обращались небрежно, вследствие чего многие конверты находились отдельно от текстов. В результате не всегда можно определить, куда и кому они адресовались, нередко невозможно установить фамилию и имя автора. Всего удалось восстановить более 500 писем.

Эти источники в результате самоотверженных усилий российских архивистов и музейных работников стали достоянием международной науки, «недостающим звеном» в цепи познания реальной истории боевых операций под Сталинградом.

Принципиальная особенность публикуемых документов из музея-заповедника «Сталинградская битва» в том, что они не отбирались специально для пропагандистской публикации. Изучался весь комплекс писем в том виде, как они отложились в коллекции. Были отобраны письма, наиболее характерные для этого периода, с четким указанием даты написания.

Впервые письма были представлены в передачах волгоградского радио и в материалах местных газет. Публикация отдельных фрагментов показала, насколько кровотоцит эта тема. Летом 1991 г. часть подлинных писем из коллекции музея «Сталинградская битва» была представлена в Берлине на

⁵³ Ratke O. Ein Bericht über die Erinnerungsarbeit in der ehemaligen Sowjetunion // Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. S. 300.

выставке «Сталинград — письма из котла»⁵⁴. В создании экспозиции активное участие принимали сотрудница Волгоградского музея Лора Петрова, немецкие исследовательницы Инзе Эшебах и Сюзанне цур Ниден.

Выставка сопровождалась первой научной публикацией эпистолярных документов — каталогом на русском и немецком языках. Йенс Эберт, один из организаторов экспозиции, воспроизвел и откомментировал на страницах указанного сборника отрывки из 25 писем⁵⁵. В солидном каталоге были опубликованы статьи волгоградских исследователей Владислава Мамонтова, Натальи Прокуровой, Тамары Богатовой, Надежды Крыловой и немецких историков Урсулы Хойкенкамп, Йенса Эберта, Вальтраут Амбергер, Михаэля Кумпфмюллера, Инзе Эшебах.

В новой политической обстановке, когда в исторической науке и в общественном сознании ФРГ шел активный процесс переосмысления «образа врага», интерес общественности к выставке был настолько велик, что ее сроки пребывания в ФРГ были продлены. На выставке некоторые посетители увидели письма пропавших без вести родственников и через 50 лет прочли их предсмертные строки. Выставка экспонировалась в дальнейшем в различных городах Германии и Австрии, в Москве и в Волгограде.

Выставка писем с говорящим названием «Голод, холод, нужда. Австрийские письма с фронта. Сталинград 1942–1943» была подготовлена совместно с Венским историческим музеем и прошла в Австрии (Вена, Линц, ноябрь 1992 — июнь 1993 г.). За два месяца ее посетили 340 тыс. человек.

⁵⁴ Stalingrad — Briefe aus dem Kessel. Berlin, 1991.

⁵⁵ Эберт Й. «Сегодня решил написать тебе пару строк». Письма из сталинградского котла // Сталинград. Материалы к выставке «Сталинград — письма из котла». Берлин. 1992. С. 32–43.

О выставках сообщали общенациональные и локальные средства массовой информации. В Германии и Австрии выставки пользовались большой популярностью. Никогда прежде на такой частный, личный, биографический источник не смотрели с точки зрения повседневного существования человека на войне. А главное — для немцев и австрийцев было важно воочию увидеть, прикоснуться к тем свидетельствам, которые неожиданно жестко, открыто, в поражающих воображение немецкого посетителя выражениях и картинах позволили глазами их родных увидеть разгром и поражение вермахта. В книге отзывов выставки, которая хранится в музее Волгограда, посетители оставили записи о впечатлениях от чтения документов, возвращающих их на полвека назад.

«Хорошо, что эти письма стали доступны... Взгляд с советской и немецкой стороны на войну, анализ ее причин и следствий дают надежду на мирное будущее. Берлин. Август 1991 г.»

«Жаль, что такая впечатляющая выставка не могла состояться раньше. У меня сложилось впечатление от многих телепередач, что мужчины, которые были в то время в России, не имели ничего человеческого. Выставка писем опровергает это. Берлин. Ф.-Г.»

«Я участник этого преступления. Снова и снова стыжусь того, что произошло. Берлин. 3 августа 1991 г.»

«Очень впечатляющая, незабываемая выставка, особенно для нас, немцев. Содержание этих писем показывает полную абсурдность германских войн в России, в Сталинграде. Эти письма должны прочитать многие. Многие должны понять программу германских войн. Герман Рот⁵⁶, священник, Франкфурт-на-Майне; Магдалена Рот, жена. 12 августа 1996 г.»

⁵⁶ Отец Германа Рота умер в лагере военнопленных в Сталинграде в 1946 г.

Один из учеников берлинской школы оставил такую записку: «Я нахожу эту выставку интересной, т. к. она сообщает о фактах, которые не узнаешь в школе. Страдания всех людей на войне показаны потрясающе»⁵⁷.

Письма, представленные на выставках, позволили некоторым немецким и австрийским семьям узнать о судьбе своих родных и близких, оказавшихся в сталинградском котле. Спустя полвека до них дошли письма, которые им адресовались. Такой случай произошел, например, в Оберхаузене, где Эберт Грюн увидел письмо своего брата, пропавшего без вести. Его жена рассказывала: «Вчера нам сообщили по телефону, что на выставке экспонируется письмо деверя, т. е. брата моего мужа. Я даже вначале не поверила. Но это оказалось правдой. Так мы получили от него письмо спустя почти 50 лет! Это было странное чувство. Мы будто говорили с прошлым или как будто мертвый разговаривал с нами. Мы же не знали, что с ним. Считалось, он пропал без вести. И вот это событие — как раз в канун Рождества... Это очень взволновало меня, всю мою семью».

Запись Гюнтера Фридриха: «Мы очень тронуты последним письмом отца из Сталинграда. Это было ведь очень тяжелое время. Мой отец, ефрейтор Мартин Фридрих, до войны был почтальоном, а на войне служил на кухне. Наша мать всегда надеялась, что он жив. Его товарищи рассказывали, что он попал в плен».

В адрес музея-заповедника «Сталинградская битва» было направлено письмо дочери унтер-офицера Эмиля Кадова: «Я благодарна сотрудникам музея за передачу мне, вероятно, последнего признака его жизни. Как хорошо, что были и есть

⁵⁷ Книга отзывов выставки «Сталинградская битва глазами немцев» // Архив Музея-заповедника «Сталинградская битва».

такие люди, как вы, которые осознали, что любая война имеет также и очень глубокие человеческие стороны... Словами невозможно выразить, что я чувствую, глядя на письмо, которое он написал нам 4 января 1943 г. и которое разыскало меня спустя много лет».

Письма имеют разную степень сохранности, написаны чернилами синего, черного, красного цветов, химическим карандашом. Бумага линованная, почтовая или вырванная из блокнотов, пожелтевшая от времени, потертая на сгибах. Конверты небрежно надорваны, на лицевой стороне наклеены почтовые марки, иногда имеется штемпель отделения полевой почты.

В коллекции музея имеются и письма из дома, которые солдаты хранили и перечитывали. В них отражены изменения настроения в обществе, оценка авианалетов на германские города, лишения, которые уже испытывало гражданское население. После поражения под Сталинградом в Германии наметилась тенденция реального перелома в сознании общества и в отношении к власти.

* * *

Практически одновременно с открытием выставки писем в Германии в свет вышла работа, подготовленная в рамках российско-германской общественной организации «Мюльхаймская инициатива», действующей во имя примирения и сотрудничества народов наших стран.

Сборник документов «Я хочу прочь из этого безумия. Немецкие письма с Восточного фронта»⁵⁸ стал одним из первых результатов совместных усилий международного коллектива авторов — российских исследователей Анатолия Головчанского, Валентина Осипова, Анатолия Прокопенко и немецких

⁵⁸ «Ich will raus aus diesem Wannsinn». Deutsche Briefe von der Ostfront 1941–1945.

историков Уте Даниэль и Юргена Ройлеке — сотрудников университета города Зиген (земля Северный Рейн — Вестфалия). Сборник вызвал живую реакцию в ФРГ, был издан дважды, но, к сожалению, не был переведен на русский язык и не нашел должного освещения в отечественных изданиях.

В распоряжении исследователей оказался значительный массив принципиально новых источников, свидетельствующих о «повседневности катастрофы» в сталинградском котле. На секретном хранении в московском Особом архиве находились более 5 тыс. немецких писем. Около 4 тыс. были написаны женами, матерями и невестами или сестрами мужчинам, которые воевали солдатами в Советском Союзе. Около 2 тыс. писем написаны солдатами своим родным, но они не достигли адресатов, так как солдаты погибли. Это были письма-комплексы — иногда целые серии, пронумерованные, от жены к мужу, еще неотправленные собственные письма и нераспечатанные от родных. Составители сборника сохранили стиль, особенности написания, грамматические ошибки, характеризующие уровень образования солдат.

Из 200 представленных 67 писем — это не доставленная адресатам корреспонденция из сталинградского окружения в период с 18 ноября 1942 по 2 февраля 1943 г. Тысячи писем были прочитаны и мысли, желания, чувства врага были озвучены. В кратком послесловии авторы отмечают, что очень редко можно в письмах встретить пафосные, героические строки. Они показывают нам человека, который плачет и надеется, который отчаивается и молится, который вспоминает тех, кто его любит, и который хочет бежать прочь из этого безумия войны. Из всего имеющегося комплекса писем солдат авторы отобрали, вероятно, самые «говорящие».

Издание открывает предисловие бывшего канцлера Германии Вилли Брандта. «По моему мнению, — обращается он к читателям, — эти документы именно в силу их индивидуального характера, представляют для ныне живущих запоздалую возможность извлечь уроки из опыта военного поколения,

уроки того, как можно привыкнуть к войне, уроки того, во что превращает людей война. Хотелось бы, чтобы опубликованные здесь письма стали бы посильным вкладом в то, чтобы изгнать войну из человеческого мышления»⁵⁹.

Российские исследователи в послесловии рассказали о том, какой принцип положили в основу отбора, как сообщали об обсуждении перевода и содержания каждого письма, чтобы представить полнее весь спектр настроений и переживаний авторов. Работа длилась три года. Публикация стала возможна в первую очередь потому, что со временем стало меняться отношение к таким источникам. Авторы отметили, что незаживающую боль у двух сторон вызывали мысли о том, что тысячи вдов и детей в нашей стране не знали, где их родные — узники нацистских концлагерей — похоронены, и о том, что тысячи немцев были лишены возможности посетить могилы своих родственников. Только новая политическая стратегия в российско-германских отношениях позволила вернуть эти письма адресатам, вместе с засушенными цветами в некоторых конвертах, как символ надежды на жизнь⁶⁰. Это очень важный вывод.

Для немецких коллег было важно подчеркнуть, что содержание писем с Восточного фронта, этих фрагментов мозаичной картины войны, приходит в резкое противоречие с прежними трактовками историков, с общепринятыми стандартами⁶¹. Историки подметили, что в письмах очень дозировано описывается действительное положение дел на фронте. Солдаты, стиснутые рамками цензуры, часто пишут: «ты не можешь себе этого представить», «об этом я могу тебе только рассказать» и даже в самом конце — особенно из Сталинграда

⁵⁹ «Ich will raus aus diesem Wannsinn». Deutsche Briefe von der Ostfront 1941–1945. S. 8.

⁶⁰ Ibid. S. 296.

⁶¹ Ibid. S. 301–313.

в письмах, датированных началом 1943 г., — авторы очень скупо сообщали правду, чтобы не увеличивать страдания родных, и так напуганных положением дома (бомбардировки, перебои с продуктами, страх за жизнь солдат).

В сборнике представлены письма с других фронтов, и солдаты замечают, что война здесь, в Сталинграде, положение солдат совсем другие, чем во Франции или Италии. Очень часто пишут о погоде, температуре, ветре. Из писем можно узнать практически ежедневную погоду тех месяцев, температуру воздуха с точностью до градуса. Очень редки упоминания о фюрере, об ожидании помощи, больше — о Боге. Доминирующими темами были еда, урожай, здоровье родных, ожидание писем от родных и близких. Все теснее кольцо и все чаще — мысли о еде, тепле, покое, перед самым разгромом — о посылках и их содержании: идет подробное перечисление продуктов, которые солдат хотел бы получить в посылке из дома.

Авторы сборника подчеркнули, что письма субъективны и даны выборочно. Сегодня мы знаем из архивных источников о положении под Сталинградом на конкретных участках фронта. И когда солдаты писали последние письма, вряд ли кто из них подозревал, что самолет 17 января 1943 г. — действительно последний...

И еще одно существенное дополнение, которое делает честь немецким авторам сборника: они подчеркнули, что опубликованные источники говорят сегодня, что не только солдаты СС уничтожали мирное население, например в Бабьем Яру под Киевом в конце сентября 1941 г., вермахт знал об этом и одобрял эти деяния. Командование 6-й армии не только было информировано об этом, но и поддержало этот ужасающий акт.

Для нас было важно включить письма из Сталинграда из опубликованного на немецком языке источника, поскольку они максимально объективно показывают состояние солдат и офицеров вермахта на решающем этапе Великой Отечественной войны.

Среди различных комплексов писем, доступных исследователям, особенно выделяется так называемое собрание Штерца, которое хранится в Библиотеке современной истории Штутгарта. Райнхольд Штерц (1948–1989) собрал уникальную коллекцию писем.

Интересна судьба человека, которому исследователи обязаны созданием коллекции частных писем времен Второй мировой войны. Он родился в 1948 г. в Карлсруэ, работал в службе социального обеспечения, не получил специального исторического образования, но как гражданин с беспокойной совестью очень рано начал задавать себе вопросы об истории войны. Были ли немцы соучастниками преступлений; как чувствовал себя, какие поступки совершал «маленький человек» в 1939–1945 гг. Штерц искал ответ в письмах и дневниках участников войны. Он 16 лет разыскивал письма военного времени на блошиных рынках, покупал частные собрания, расспрашивал знакомых и так сформировал самое большое в Германии собрание солдатских писем периода Первой и Второй мировых войн. Сам Штерц считал базой собрания около 50 тыс. писем, из которых около 15 тыс. отрывков он систематизировал. Часть из них — оригиналы, остальное — копии и выписки. В 1990 г. семья Штерца передала бесценный архив в Библиотеку современной истории Штутгарта. Коллекции открыты для исследователей и выдаются в читальный зал.

В целом собрание Штерца содержит около 25 тыс. оригинальных писем, охватывающих период с сентября 1939 по май 1945 г., 40 дневников, 70 папок с 2 тыс. страниц машинописных отрывков из писем, 30 папок с тематизированным и хронологически выстроенным материалом из писем. Собрание включает адресатов преимущественно с юга Германии. Оригиналы документов возвращены семьям авторов писем.

Значительная часть писем принадлежала солдатам и офицерам, которые воевали на территории Советского Союза.

Многочисленные серии билатеральны, т. е. состоят из писем солдат на родину и родных к этим солдатам (представлена двухсторонняя переписка — от жен, родителей, сестер); это говорит о том, что солдаты вернулись домой. Фрагменты писем содержат указания на номер полевой почты, воинские части, имя, фамилию и воинское звание автора.

Штерц не только сделал машинописные копии отрывков из писем, но создал подробный каталог, где систематизировал письма по различным рубрикам (по территориям, категориям населения, номерам воинских частей, номерам полевой почты). Такая классификация очень облегчает работу с письмами и не в последнюю очередь, по нашим наблюдениям, стала причиной того, что многие германские историки именно это собрание анализируют в своих исследованиях, хотя существуют и другие коллекции писем.

Обращаем внимание на то, что письма из этого архивного комплекса относятся ко времени, когда аэродромы в районе Сталинграда были в руках германских войск. Поэтому содержание писем освещает положение войск под Сталинградом в условиях, когда была возможность отправки военнотранспортных самолетов из окружения (преимущественно ноябрь и половина декабря 1942 г.). В январе 1943 г. аэродромы были потеряны, германская авиация производила снабжение по воздуху, сбрасывая т. н. капсулы (иногда на территорию советских войск). Поэтому основная масса писем в собрании относится к 1941–1942 гг. и заканчивается первой половиной января 1943 г., когда обратного потока писем уже практически не было. Отдельные экземпляры могли быть захвачены ранеными солдатами, отправляемыми в тыл, но их количество незначительно.

Часть писем была опубликована Райнхольдом Штерцем и Ортвином Бухбендером в 1982 г.⁶² (второе издание в 1987 г.).

⁶² Das andere Gesicht des Krieges. Deutsche Feldpostbriefe 1939–1945.

Но сборники не получили сколько-нибудь значительных откликов. Издатели явно опередили время: интереса в обществе к военным источникам личного характера в Германии тогда не было, поэтому провести комплексный анализ писем не представлялось возможным. Прав был знаменитый немецкий писатель Генрих Бёлль, прямо заявивший в 1984 г.: «До сих пор большинство немцев так и не поняло, что их никто не звал под Сталинград, что как победители они были бесчеловечны и очеловечились лишь в роли побежденных»⁶³. Только в 1989 г., уже после смерти Штерца, статья о коллекции была напечатана в серьезном коллективном труде «Повседневность войны»⁶⁴. Как указывал автор, его целью было собрать документы, отражающие войну с точки зрения простого солдата⁶⁵.

Подзаголовок книги «Реконструкция повседневности войны как задача исторических исследований и воспитания в духе мира» говорит о том, что германские ученые осознали ценность этого вида источника и обратились к нему со всей серьезностью. Иоахим Штерц озаглавил свою статью, посвященную памяти брата и началу Второй мировой войны, так: «О “героях” солдаты не писали», подчеркнув тем самым, что слово «герой» почти не встретишь в лексиконе солдата, где намного чаще встречаются грубый юмор и мрачная простота, описания суровых будней⁶⁶.

⁶³ Бёлль Г. Способность скорбеть // Новое время. 1988. № 24. С. 37.

⁶⁴ Sterz R. Vom Aufbau einer Briefsammlung aus dem Zweiten Weltkrieg // Kriegsalltag. Die Rekonstruktion des Kriegsalltags als Aufgabe der historischen Forschung und der Friedenserziehung. Stuttgart, 1989. S. 20–25.

⁶⁵ Ibid. S. 24.

⁶⁶ Ostsee-Zeitung. 29.VIII.2009.

При работе в фондах Библиотеки современной истории (Штутгарт) мною отобраны письма из сталинградского окружения преимущественно с ноября 1942 г., хотя для характеристики положения использовались более ранние письма начиная с сентября 1942 г. Это позволяет увидеть существенную разницу в тональности писем. Следует обратить внимание читателей, что письма из собрания Штерца дошли до адресатов и хранились в семьях. Письма, составившие собрания в архивах Москвы и Волгограда, остались на поле боя, на телах убитых солдат, в разбомбленных почтовых машинах. Они принадлежат солдатам, которые писали, зная о своей скорой гибели.

«Участник боев в Сталинграде всю жизнь тащит на себе бремя истории, в которой он участвовал и которое он пережил. Он в равной мере несет ответственность как за историю, так и за образ истории»⁶⁷. Не случайно именно эти слова В. Байера взяли эпиграфом к своему труду о Сталинграде выдающиеся современные историки Г. Юбершер и В. Ветте⁶⁸.

Письма, которые родные хранили более полувека, постепенно становились предметом изучения, анализа, они побуждали новые поколения задавать вопросы немногим солдатам, плененным в Сталинграде и выжившим, об осознании ими причастности к преступлениям, которые вермахт совершил на территории Советского Союза, ведя войну на уничтожение.

* * *

Книга была подготовлена в рамках проекта, поддержанного Совместной комиссией по изучению новейшей истории российско-германских отношений. Благодарю за поддержку сопредседателей Совместной комиссии — с российской сторо-

⁶⁷ Beyer W. R. Op. cit. S. 59.

⁶⁸ Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. S. 5.

ны — директора Института всеобщей истории РАН академика А. О. Чубарьяна, и с немецкой стороны — профессора Хорста Мёллера, на протяжении долгих лет возглавлявшего Институт современной истории (Мюнхен-Берлин). Эта благодарность полностью относится к руководителям секретариата Совместной комиссии кандидату исторических наук В. В. Ищенко и Эберхарду Курту. Я признательна моим коллегам в России и Германии, помощь, советы и консультации которых помогли мне в процессе подготовки книги. В первую очередь, заместителю директора Музея-заповедника «Сталинградская битва» кандидату исторических наук Б. Г. Усику и научной сотруднице Л. Ф. Петровой. Я многим обязана директору Библиотеки современной истории (Штутгарт) профессору Герхарду Хиршфельду и библиотекарю Ирине Ренц. Отдельная благодарность за ценные советы и замечания доктору исторических наук, профессору А. И. Борозняку и научному сотруднику Института современной истории доктору Юргену Царуски.

31.12.1942

Mein Lieben

Jetzt ist Sylvesterabend, und
wenn ich an ein Häuse denke, dann
will mir fast das Herz brechen.
Hier ist das hier alles tot - und
hoffnungslos. Seit 4 Tagen habe ich
schon kein Brot mehr zu essen,
und lebe nur von dem Säckel
Mittagsuppe. Morgens und Abends
einen Schlück Kaffee, und alles
Tage 100gr. Birkensfleisch od. 1/2 Birkse
Abschotten od. etwas Finkenkeise. -
Hunger, Hunger, Hunger, und dazu
Keise und Schmitz. Tag und Nacht
werden wir von Fliegen angegriffen,

Часть 1

«Сталинград — это ад на земле»

Письма из коллекции Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б)

Сталинград — крепкий орешек; если он падет, это будет разрешением большой проблемы. Сталинград — это Волга, а Волга — это Россия¹.

*Из письма Гейни Берингеру в Нюрнберг
ефрейтора Людвига Ляндштейнера,
n/n 47123, 19.XI.1942*

Мы находимся в четырех километрах от Сталинграда. Четыре дня мы отдыхали, а затем снова наступление на Сталинград. Бои были тяжелые, а сейчас стали еще тяжелее. Но через два-три дня Сталинград падет, мы надеемся на это. Мы расположились в ложине и защищаемся от воздушных налетов. Самолеты кружат над нами днем и ночью. Самое скверное вечером: небо полно русскими машинами².

Из письма неизвестного солдата, 12.IX.1942

Завтра мы опять выходим на передовую, где, надеюсь, вскоре будет произведена последняя атака на оставшуюся не заня-

¹ Разгром немцев под Сталинградом. Признания врага. М., 1944. С. 8.

² Там же. С. 9.

той нами часть Сталинграда, и город окончательно падет. Но противник защищается упорно и ожесточенно³.

*Из письма бабушке баронессе Габриэле Блейлебен
обер-лейтенанта Альфреда Клейн-Визенберга,
n/n 08365, 18.IX.1942*

В эту зиму мы удирать не будем, русский такого счастья не дожидается. У нас хорошая позиция: если Волга не замерзнет, то у нас будет спокойно, нам не придется бояться, что в одно прекрасное утро русский появится перед нашим блиндажом⁴.

*Из письма брату ефрейтора Курта Канемана,
n/n 44845С, 19.XI.1942*

Мы сейчас работаем не покладая рук, роем окопы на зиму и укрепляем наши позиции так, чтобы они стали неприступными, и мы были гарантированы от всяких неожиданностей. С помощью военнопленных и местных жителей всюду роют и строят, и я думаю, что к наступлению зимы у нас будут прекрасно оборудованы не только наши позиции, но и убежища для людей, лошадей и машин. А тогда пусть приходит зима; мы готовы — и неожиданности, подобные прошлогодним, исключены⁵.

*Из письма ефрейтору Альфреду Тирфельдеур
обер-фельдфебеля Иоганнеса Буттера, n/n 08163, 17.XI.1942*

Мы все еще стоим в одном из предместий Сталинграда. Русский здесь, на северной окраине города, очень крепко держится и защищается упорно и ожесточенно. Впрочем, скоро и этот последний кусочек будет взят; но главное — удержаться

³ Там же.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Там же. С. 11.

зимой, не дать русскому прорвать северное кольцо, иначе мы опять отступим, как в прошлом году, и все то громадное количество крови, которое было пролито за Сталинград, окажется пролитым напрасно⁶.

*Из письма пастору Оскару Бюттнеру
унтер-офицера Гельмута Шульце, п/н 44111, 19.XI.1942*

Оснащенные самым современным оружием, русские наносят нам жесточайшие удары. Это яснее всего проявляется в боях за Сталинград. Здесь мы должны в тяжелых боях завоевывать каждый метр земли и приносить большие жертвы, так как русский сражается упорно и ожесточенно, до последнего вздоха⁷.

*Из письма Герману Куге ефрейтора Отто Бауэра,
п/н 43396 В, 18.XI.1942*

Верю вам, что война треплет нервы и что каждый с нетерпением ждет мира, но русский слишком упрям, невообразимо упорен и настойчив. Мы делаем все, что только можем, но русский дерется здесь с полным презрением к смерти. Пленных мы теперь больше не берем, ибо эти субъекты до последнего дыхания стреляют из своих укрытий, блиндажей и подвалов⁸.

*Из письма Эрнсту Яну обер-ефрейтора Гейнца Хамена,
п/н 13552, 14.XI.1942*

Сталинград — это ад на земле, Верден, красный Верден, с новым вооружением. Мы атакуем ежедневно. Если нам удает-

⁶ Разгром немцев под Сталинградом. Признания врага. С. 11.

⁷ Там же. С. 12.

⁸ Там же.

ся утром занять 20 метров, вечером русские отбрасывают нас обратно⁹.

*Из письма брату ефрейтора Вальтера Оппермана,
n/n 44111, 18.XI.1942*

У русского невероятное количество проклятых минометов, их выстрела не слышишь; вдруг разрыв — и осколки летят уже во все стороны. А затем их «орган», нечто вроде нашего шестиствольного миномета, но только он куда сильнее действует на нервы. Мне уже приходилось видеть раненых, в которых попало 30 и больше осколков. Кто не слышал «органа» и не стоял под его огнем, тот не знает России¹⁰.

*Из письма Вилли Шриндту ефрейтора Вилли Шульца,
n/n 44845 В, 13.XI.1942*

Описать, что здесь происходит, невозможно. В Сталинграде сражаются все, у кого есть голова и руки, — и мужчины, и женщины¹¹.

*Из письма невесте ефрейтора Отто Гелльмана,
n/n 43396 В*

В письме к Эльзе я назвал Сталинград красным Верденом. Такие же жертвы, какие Германия принесла под Верденом, она приносит теперь под Сталинградом, и все-таки он еще не в наших руках. Но будем надеяться, что русский не отбросит нас опять этой зимой, как это случилось в прошлом году под Москвой и Ленинградом... Как мне только что сообщили, генерал

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 14.

¹¹ Там же. С. 16.

Роммель тоже отступает и уже оставил Тобрук, — еще одно тяжелое поражение. Так один удар судьбы следует за другим¹².

*Из письма родителям ефрейтора Вилли Шмидта,
n/n 74875С, 14.XI.1942*

У нас сейчас дело совсем плохо; если бы ты нас увидела, ты бы половины не узнала, а потом спросила бы: а где тот, где этот? Да, одни лежат в русской земле, другие на излечении на родине или в лазарете, некоторые лишились ног и так далее. Плохо нам! Здесь погибает очень много народу, так как русский сражается чрезвычайно упорно¹³.

*Из письма Эльфриде Кнопт вахмистра Юлиуса Фершнета,
n/n 08265, 16.XI.1942*

Если бы вы имели представление о том, как быстро растет лес крестов! Каждый день погибает много солдат, и часто думаешь: когда придет твоя очередь? Старых солдат почти совсем не осталось. Совершенно ясно, что положение наше весьма неблагоприятно, и кто знает, что принесет зима. Во всяком случае, ничего хорошего. Потеряв давно собственную волю, мы, как бараны, терпеливо, подчиняемся ходу событий¹⁴.

*Из письма жене унтер-офицера Рудольфа Тихля,
командира 14-й роты 227-й пехотной дивизии*

Здесь суший ад. В ротах насчитывается едва по 30 человек. Ничего подобного мы еще не переживали. К сожалению, всего я вам написать не могу. Если судьба позволит, то я вам когда-нибудь об этом расскажу. Сталинград — могила для немецких солдат. Число солдатских кладбищ растет. Это похоже на то,

¹² Разгром немцев под Сталинградом. Признания врага. С. 17.

¹³ Там же. С. 18.

¹⁴ Там же.

что творилось в Перонне на Сомме в войну 1914–1918 гг., с той разницей, что здесь все эти солдаты погибли в боях за один только город¹⁵.

*Из письма родителям обер-ефрейтора Иозефа Цимаха,
n/n 27800, 20.XI.1942*

Скоро дома никого из молодежи не останется; дойдет до того, что будут призваны и 16-летние. Никому и во сне не снилось, что русский под Сталинградом будет держаться так долго¹⁶.

*Из письма родителям ефрейтора Оскара Вагнера,
n/n 29913, 19.XI.1942*

Надеюсь, что скоро война всюду прекратится. Сейчас положение отвратительное. В Африке нам уже здорово всыпали. Если так будет продолжаться, то еще немного, и с нами будет покончено¹⁷.

*Из письма родителям солдата Вильгельма Мушинга,
n/n 18725, 13.XI.1942*

В настоящее время положение очень напряженное. Надеюсь, дела наши в Африке поправятся. Как я слышал, наши войска оккупировали всю Францию. А с русскими нам не справиться, разве только если будут применены газы¹⁸.

Из письма того же солдата, 15.XI.1942

Хотелось бы мне знать, зачем они собираются сражаться еще на юге, раз они опять сдали Тобрук и отступили на

¹⁵ Там же. С. 19.

¹⁶ Там же. С. 21.

¹⁷ Там же. С. 22.

¹⁸ Там же.

160 км — разве только затем, чтоб гибли люди. Я не верю, что Сталинград падет¹⁹.

*Из письма жене солдата Отто Ульриха,
п/п 23954, 18.XI.1942*

Хоть бы эта проклятая война поскорей кончилась или, по крайней мере, видно было приближение конца. Но, наоборот, с каждым днем делается все хуже. В Африке наши отступают. Здесь русские прорываются нам в тыл; кто знает, что еще предстоит. Господа, несущие ответственность за события, вряд ли чувствуют себя очень приятно, впрочем, у них ведь нет совести. Людей посылают на убой за идею, граничащую с безумием. Одно могу сказать: я этому не сочувствую, я выполняю свои обязанности, потому что иначе бы я погиб²⁰.

Из письма вахмистра Оппермана жене, 20.XI.1942

Опишу вам в немногих словах мои дела и переживания. С мая по конец октября мы все время находились в наступлении; много пережили и проделали, постоянно под угрозой смерти. До Дона война была еще терпима. Но у предмостного укрепления на Дону русский начал наносить нам такие удары, что мы часто впадали в полнейшее отчаяние. Здесь истреблялись целые роты и батальоны, это была настоящая мясорубка, — и, несмотря на эти жертвы, мы не смогли продвинуться вперед ни на метр. После того как мы пробыли 2–3 недели на позиции у Дона, нас направили по пути наступления на Сталинград. Здесь еды было мало: пустынная местность, пересекающаяся болотами. Справа, слева и далеко впереди нас велись ожесточенные бои по всем направлениям военного искусства. Снова началась битва не на жизнь, а на смерть. Что

¹⁹ Разгром немцев под Сталинградом. Признания врага. С. 23.

²⁰ Там же. С. 24.

здесь творилось и как ведется сейчас война в Сталинграде, словами описать невозможно. Тут идет сражение на уничтожение живой силы и техники в таких размерах, каких еще не знал и не переживал мир. Тот, кто выберется из Сталинграда невредимым, а не останется калекой или не будет убит, может считать себя особенно счастливым и благодарить своего творца и владыку. Здесь земля как бы перепахана снарядами и танками. Все дома и ориентиры сожжены артиллерией или взорваны. Лучше не говорить родине всего. Скажу вам лишь одно: то, что в Германии называют героизмом, есть лишь величайшая бойня, и я могу сказать, что в Сталинграде я видел больше мертвых немецких солдат, чем русских. Кладбища вырастали каждый час. Могу на основании нашего опыта сказать: Сталинград стоил больше жертв, чем весь Восточный поход с мая по сентябрь.

Война в России закончится только через несколько лет. Конца не видно. Жаль, что мы вынуждены переживать подобное время и что мы родились и существуем в такую эпоху. Пусть никто на родине не гордится тем, что их близкие, мужа, сыновья или братья сражаются в России, в пехоте. Мы стыдимся нашей жизни²¹.

*Из письма родителям жены ефрейтора Карла Мюллера,
n/n 40886E, 18.XI.1942*

Что здесь происходит, ты знаешь из сводки верховного командования. Каково мне, ты себе представить не можешь. Не беспокойся, все будет хорошо, мы окружены, но фюрер нас выведет отсюда²².

*Из письма жене ефрейтора Шульца,
n/n 15628, 1.XI.1942*

²¹ Там же. С. 24–25.

²² Там же. С. 27.

Подаю весточку о себе, положение у нас очень серьезное. Русские окружили армейский корпус, и мы сидим в мешке. В субботу нас атаковали, было много убитых и раненых. Кровь текла ручьями. Отступление было ужасным. Тяжело ранен наш командир, у нас теперь нет ни одного офицера. Мне пока везет, но сейчас мне все безразлично. Когда-нибудь и до меня ведь дойдет очередь²³.

*Из письма невесте унтер-офицера Георга Кригера,
631-й тяжелый артиллерийский дивизион
86-го артиллерийского полка 118-й пехотной дивизии,
n/n 00704, 30.XI.1942*

Мы находимся в довольно сложном положении. Русский, оказывается тоже умеет вести войну, это доказал великий шахматный ход, который он совершил в последние дни, причем сделал он это силами не полка и не дивизии, но значительно более крупными²⁴.

*Из письма жене ефрейтора Бернгарда Гебгардта,
n/n 02488, 30.XII.1942*

Борьба в этом году стоила нам очень больших жертв, но все должно быть и будет преодолено. Мы должны держаться стойко и не терять веры в Германию; принесенные жертвы делают нас только более суровыми и непобедимыми, но когда-нибудь ведь все это кончится... Мы пытаемся не терять бодрости²⁵.

*Из письма жене унтер-офицера Гельмута Вендлера,
261-й пехотный полк 113-й пехотной дивизии,
n/n 12532A, 31.XII.1942*

²³ Разгром немцев под Сталинградом. Признания врага. С. 28.

²⁴ Там же. С. 35.

²⁵ Там же.

Я должен откровенно признаться, что мое настроение сильно упало и главным образом потому, что приходится так жестоко голодать. До сих пор нам помогала конина, но и это время прошло. Из-за того, что машины с продовольствием застряли в снегу, мы вчера утром получили только по куску сухого хлеба, а вечером похлебку из конины. Едва только начинаешь есть, как хлеба уже нет. О том, чтобы наесться досыта не может быть и речи. Но какая польза от жалоб? Мы все равно должны выдержать — и выдержим²⁶.

*Из письма жене ефрейтора Курта Шмидта,
n/n 18889E, 29.XII.1942*

Битва между Волгой и Доном приближается постепенно к решающему моменту, и я надеюсь, что мы окажемся победителями. Мы с середины ноября окружены, получаем очень мало еды, бродим целый день голодные, и вдобавок проклятые русские атакуют нас по нескольку раз в день... Праздники кончились. Мы их и не почувствовали: они прошли, как все остальные дни. Два часа на посту, два часа свободных, затем опять на посту. В конце концов мы превратимся в идиотов. Подвоза никакого. Все с воздуха. Говорят, что сейчас будто бы станет лучше. Кольцо, в котором мы находимся, разорвано, и нам на смену движутся новые войска. Я уже два месяца не менял белья; поэтому можешь себе представить, сколько у меня вшей. Если б ты меня сейчас увидела, ты содрогнулась бы. Но наступят и другие времена. А потери, которые мы понесли и которые мы еще понесем! Это так ужасно, что и сказать нельзя²⁷.

*Из письма матери обер-ефрейтора Эриха Коха,
n/n 20521D, 27.XII.1942*

²⁶ Там же. С. 36.

²⁷ Там же С. 39.

Три врага делают нашу жизнь очень тяжелой: русские, голланд, холод. Русские снайперы держат нас под постоянной угрозой²⁸.

Из дневника ефрейтора М. Зура, 8.XII.1942

Надеюсь, что вы все здоровы, чего обо мне сказать нельзя. Прожитые нами восемь недель не прошли для нас бесследно. Многих, которые раньше обладали хорошим здоровьем, уже нет, — они лежат в холодной русской земле. Я все еще не могу понять, каким образом русский смог собрать столько войск и техники, чтобы поставить нас в такое положение, в каком мы находимся и по настоящее время. Я слышал, что в излучине Дона немецкие соединения перешли в контрнаступление с тем, чтобы освободить нас, так как долго подобной жизни мы не выдержим. Это самые тяжелые недели во всей моей 30-летней жизни. Вдобавок, я нахожусь с моим отделением на расстоянии 50–60 метров от русского. Счастье, что он здесь пока не переходит в атаку. Нам обещали, что сменят нас к празднику; затем сказали, что обязательно сделают это еще в старом году, но все это — одни обещания. Теперь мы хотим надеяться, что первые дни нового года принесут нам освобождение. Как вояки, мы теперь никуда не годимся²⁹.

*Из письма родителям унтер-офицера Фрица Штрукка,
2-я рота 1-го батальона 260-го пехотного полка
113-й пехотной дивизии, п/н 04123С,
31.XII.1942*

Старый год приближается к концу. Только что говорил Геббельс, энтузиазма он у нас не вызвал. Уже много недель, как

²⁸ Разгром немцев под Сталинградом. Признания врага. С. 41.

²⁹ Там же. С. 42.

энтузиазма и в помине нет. Что у нас в изобилии, так это вши и бомбы³⁰.

*Из письма жене обер-ефрейтора Генриха Гейнемана,
n/n 20845, 31.XII.1942*

Сегодня для меня было бы величайшей радостью получить кусок черствого хлеба. Но даже этого у нас нет. Год тому назад мы смеялись, глядя, как русские беженцы едят дохлых лошадей, а теперь мы радуемся, когда у нас дохнет какая-нибудь лошадь!³¹

*Из письма родителям обер-ефрейтора Вильгельма Бейссвенгера,
n/n 28906, 31.XII.1942*

Над многими, которые в прошлом году и не думали о смерти, стоит сегодня деревянный крест. За этот год множество народу у нас рассталось с жизнью. В 1943 будет еще хуже. Если положение не изменится и окружение не будет прорвано, то мы все погибнем от голода. Никакого просвета³².

*Из письма родителям обер-ефрейтора Георга Шнелля,
n/n 16346С, 1.I.1943*

Дни, переживаемые нами сейчас, ужасны. Но, несмотря на это, тебе не следует обо мне беспокоиться. Все равно никто мне не поможет. Как чудесно могли бы мы жить, если бы не было этой проклятой войны! А теперь приходится скитаться по ужасной России, и ради чего? Когда я об этом думаю, я готов выть с досады и ярости³³.

*Из письма невесте обер-ефрейтора Арно Бееца,
87-й артиллерийский полк 113-й пехотной дивизии,
n/n 28329Д, 29.XII.1942*

³⁰ Там же. С. 44.

³¹ Там же. С. 46.

³² Там же. С. 47.

³³ Там же. С. 57.

За эти дни наше положение еще ухудшилось. Письмо от 15.11 я тебе писал на огневой позиции, теперь я на передовой позиции, где находится большая часть нашего подразделения. Я опять санитар. Перевязочных материалов нет, а больных — человек 50. В сущности говоря, мы все больны. Хуже всего вши. Кожи у меня скоро совсем не будет видно, всюду гнойная сыпь; если в ближайшее время не наступит улучшения, я покончу с собой. К тому же такое скудное питание. Утром и вечером по бутерброду, а на обед — водичка вместо супа. Это длится уже четыре недели; многие так ослабели, что не могут подняться и с трудом дышат, вдобавок делается все холоднее. Если нас скоро не сменят, то мы все подохнем. В животе бурчит, вши кусают, ноги обморожены. Я духовно и физически конченный человек. О нашем отступлении я тебе писать не могу, это завело бы меня слишком далеко... Какое у нас настроение, я думаю, ты можешь себе представить. На улучшение нет никакой надежды, более вероятно, что нас сцапают русские. Быть теперь больным или раненым ужасно, отсюда их не вывозят, а убежища в катастрофическом состоянии. Нас здесь, в маленькой комнатухе, величиной с нашу кухню, 20 человек; лежим на полу, совершенно завшивленные, шевельнуться невозможно, с нами вповалку раненые. А ночью являются русские бомбардировщики и поджигают оставшиеся несколько жалких лачужек; описать все это злополучие невозможно. Если бы хоть не было вшей и голода. Войне пора кончиться, но я в это мало верю; мы будем сражаться, пока последний человек не подохнет. Это у нас называется «героической смертью». Здесь делаешься таким грубым и бесчувственным. Мертвецы — повседневное зрелище; испытывать сострадание мы разучились, любви больше не требуется, остались только животные инстинкты, жрем мы и живем все, как свиньи. Рубаха у меня коробится от грязи и крови.

Муки мы здесь терпим неопишуемые. Сегодня утром я сделал обычный обход: три человека лежат совершенно без сил и заговариваются. И все по уши в грязи, масса гнойных ран, а перевязывать нечем. Еще две недели, и мы все сдохнем. Сегодня нас обстреливают целый день. Надеюсь, что они не попадут в нашу жалкую хибарку. Несмотря на злополучное положение, в котором мы находимся, люди воруют друг у друга. Нет смысла писать тебе больше об этом; ты все равно не в состоянии себе представить, каково это в действительности. Я погиб. Вши, вши... Тысяча проклятий, это ад, хуже ничего быть не может. Так живем мы со дня на день и надеемся на освобождение. Завтра от нас опять отправляется один взвод в пехоту — изголодавшиеся люди должны воевать³⁴.

*Из письма невесте ефрейтора Роберта Яна,
n/n 18039С, 27.XII.1942*

Часто задаешь себе вопрос: к чему все эти страдания, не сошло ли человечество с ума? Но размышлять об этом не следует, иначе в голову приходят странные мысли, которые не должны были бы появляться у немца. Но я опасаясь, что о подобных вещах думают 90 % сражающихся в России солдат. Это тяжелое время наложит свой отпечаток на многих, они вернуться домой с иными взглядами, чем те, которых они придерживались, когда уезжали. Что принесет нам новый год? Хоть бы какой-нибудь просвет, но на нашем горизонте заря и брезжит, и это действует на нас, фронтовых солдат, подавляюще³⁵.

*Из письма жене ефрейтора Альбрехта Оттен,
n/n 32803, 1.I.1943*

³⁴ Разгром немцев под Сталинградом. Признания врага. С. 57–58.

³⁵ Там же. С. 59.

Ты удивляешься, как мне пришло в голову писать о плене. Видишь ли, я, по всей вероятности, тогда уже предчувствовал, что нам предстоит, а потому, как складываются сейчас обстоятельства, не исключена возможность, что мы действительно попадем в плен. Ты, конечно, совершенно права, надо молить всевышнего, чтобы он не допустил до этого, но не мешает думать обо всем, в особенности в теперешнем положении. А относительно того, что из плена никто не возвращается, скажу одно: не будем смотреть на вещи так мрачно. Вспомни, сколько народу было в плену в России в первую мировую войну, и они ведь вернулись³⁶.

*Из письма невесте обер-ефрейтора Иоганнеса Пешеля
261-го пехотного полка 113-й пехотной дивизии,
n/n 12532Д, 27.XII.1942*

Сегодня я хочу тебе сообщить, как мне живется. Не знаю, дойдет ли до тебя письмо, ведь большая часть писем проходит цензуру, и если говорить правду, то письмо задерживается, и сам можешь за это поплатиться. Но сегодня мне все безразлично. Как я тебе уже сообщал, с 21 ноября мы окружены. Положение безнадежно, только наши командиры не хотят в этом сознаваться. Кроме пары ложек похлебки из конины, мы ничего не получаем, а если и выделяется иногда что-нибудь добавочного, то до нас это не доходит. Оно исчезает у начальника и его компании. Ты этому не поверишь, но это так. Вам в газетах и по радио рассказывают всякие небылицы, а в действительности пресловутое фронтовое товарищество выглядит совсем иначе. Если бы я знал, что в плену со мной будут обращаться хотя бы так, как с отцом в 1914-м, я сейчас же перебежал бы. Опытный прядильщик или техник-специалист по прядильным машинам нужен и в России. Дай бог, чтоб я вер-

³⁶ Разгром немцев под Сталинградом. Признания врага. С. 60.

нулся когда-нибудь домой, тогда я постараюсь открыть людям глаза на то, что на самом деле происходит на фронте. А тебя прошу: в будущем при сборах пожертвований, с которыми к тебе приходят, вспоминай о моем письме. Это все, что я хотел сообщить тебе сегодня. Надеюсь, эти строки дойдут до тебя; если нет, значит, я покончил счеты с жизнью, значит, меня поставили к стенке³⁷.

*Из письма жене унтер-офицера Р. Шварца,
n/n 02493С, 16.I.1943*

Lutten
Herrn
Franz Buch.
in Mägen Pfl.
Pöcherstr. 10

einem Jahr für
mich zu den Soldaten
gerufen. Ich wünschte ich
könnte jetzt auch mal wieder
zu Hause. Ich vertraue aber
gott in hat mit seiner
Hänke gehalten und
wird mich auch später
helfen. Das 75. habe ich
den E.K. II bekommen 168
Ergrüßt dich Dein alter
liebster Bruder! B.M.D. P.M. 21972 (V.K.)

7m Feldk, den 19.1.43.

Mein lieber Bräuder!

Sei recht herzlich begrüßt
aus der weiten Ferne. Ich
hoffe das es dir auch noch
gut geht was ich auch
von mir berichten
kann. Liebe von

Часть 2

«Как может все это вынести человек?»

Письма из фондов музея-заповедника «Сталинградская битва»

Написано 20.XI.1942

Дорогая жена, родители и дитя!

Хочу сегодня опять вспомнить вас и написать вам несколько строк, если даже нет никаких известий с родины. Наше положение опять ухудшилось, потому что русским опять удалось прорваться. Вероятнее всего, нас завтра введут в бой, и мне придется опять принять участие. Случилось что случилось, я хоть не могу сердиться, раз у нас такая судьба, все должны участвовать. Вы, может быть, на родине думаете, что на Рождество тут закончится война, но вы сильно ошибаетесь, здесь еще далеко до этого. Как раз наоборот, теперь наступает зима, и это очень на руку нашему врагу.

Погода не такая холодная, идет снег, идет дождь, как в таких случаях бывает. На сегодня хочу закончить свое письмо.

Много приветов и поцелуев.

Фриц и папа. До свидания на родине¹.

¹ Музей-заповедник «Сталинградская битва». Коллекция писем немецких солдат. Инв. № 677 в/п. (62).

Россия, 21.12. 42

Дорогая мама!

Вчера я получил ваше письмо от 12.11 и хочу сегодня же на него ответить. Вы жалуетесь, что я не пишу, я пишу вам каждую неделю. Марку на килограммовую посылку² я вам выслал 28 октября авиапочтой. Еще была марка на шестикилограммовую посылку и марка для письма авиапочтой. Поэтому жаль, что письмо не дошло. Постепенно вы справляетесь с работой.

Россия, 25.12.1942

Не было возможности отправить письмо, поэтому я сегодня пишу дальше. Вчера, накануне Рождества, я получил письмо от 30.11, которое написала Мини и 1-го 12-го твое, мама. У нас было печальное Рождество, вы, наверное, уже знаете, что с нами случилось. Тем более я был рад, что получил ваши письма в Сочельник. Посылки мы, конечно, не получили. Чтобы нам напомнить, что наступило Рождество, нашу роту кое-чем угостили. Было бы, конечно, очень кстати получить шестикилограммовую посылку. Я вообще не получил еще ни одной посылки, а так хотелось бы поесть мучного и чем-нибудь полакомиться.

Сегодня я праздную Рождество в помещении для больных, которое находится позади нашей роты, я обморозил пальцы на ногах. Представляю, как вы хорошо празднуете рождество дома, а меня нет среди вас. Если будете посылать посылки, пошлите что-нибудь сладкое, чтобы подсластить кофе, а главное, мучные изделия, здесь нет ничего такого, не возражаю и против рулета с маком.

² Солдаты вермахта имели право на отправку почтовых марок для оплаты их родственниками посылок и авиамарок для отправки писем авиапочтой.

Вчера я получил чин ефрейтора. Сегодня, в Святой день, у нас богослужение. Вспоминаю вас и думаю, что вы там в данную минуту делаете, 25 января в час дня?! Заканчиваю свой рассказ, шлю много приветов всем родным и знакомым.

Эрих

Высылаю этим письмом две марки на 2-килограммовые посылки и 3 авиамарки, сейчас многое теряется³.

Новый год, 1943

Дорогие!

Долго я не давал о себе знать, но хочу сегодня, в день Нового года написать несколько строк. Сначала хочу вас всех поздравить с Новым годом и пожелать хорошего Нового года и много счастья и прежде всего здоровья и быть довольными.

Прошу извинить мое долгое молчание. Сначала были особые обстоятельства, которые делали невозможным не только писать, но и отправлять письма. Кроме того, я должен вам сообщить, что я с 15.12 болею: воспаление почек. Несколько дней назад я уже был в дороге в лазарет. Меня не могли положить, потому что мест в лазарете нет. Тут занялся мною наш врач, чудесный человек, и действительно мне гораздо лучше. С сегодняшнего дня я провожу несколько часов на ногах. Через несколько дней я, думаю, буду опять в строю.

Несколько дней назад я получил от Софии письмо из Гундена, за которое я от всей души благодарю. Сюда редко приходит почта, потому что связь еще не установлена. Рождественскую почту, наверное, еще долго придется ждать, если ее не сгрызли уже теперь мыши.

³ Музей-заповедник «Сталинградская битва». Коллекция писем немецких солдат. Инв. № 677 в/п. (64).

После моего выздоровления меня одолевает страшный голод. У меня еще есть что-то от присланной вами посылки. Не сможете ли вы послать повидло из свеклы или джема, мармелада?

В остальном мне нечего вам рассказать что-либо нового. Вермахт передает точные сведения. На отпуск пока нет надежды. Марте я пока об этом не писал. Надеюсь, что удастся на Пасху. Заканчиваю и желаю самого наилучшего, с приветом,
Ваш Вильгельм⁴.

30.XII.1942

Мои любимые!

В начале моего письма я вас всех сердечно приветствую. Я здоров и желаю того же вам. Мои дорогие, как вы провели рождественские праздники? Элли получила много подарков от Деда Мороза? Это были первые рождественские праздники, которые я провел вне дома, но будем надеяться, что в новом году ваш Отто сможет провести Рождество у вас в Вене.

Как поживает Роберт? Он еще дома? Как он себя чувствует? Я думаю, в Вене не все так плохо, это все же родина. Каковы были магазины на Рождество и на Новый год? Вы достаточно купили материала к праздникам? Я провел мои праздники прекрасно, мы получили достаточно еды, а также выпивки. Но самой большой радостью было бы для меня получить посылку с родины к Рождеству, но я не получил ни одной. Я думаю, она придет в конце января.

Мои дорогие, у нас очень холодно, снега немного, зима такая же, как у нас на родине, но не такая, как в прошлом году.

⁴ Там же. Инв. № 677 в/п. (21).

Мне написал Йозеф, он в Орле, я ему уже ответил. Он писал, что там идут сильные бои. У нас русский тоже атакует ежедневно и стреляет изо всех щелей, но это не так страшно.

Я заканчиваю, до следующего письма.

Вам посылает много приветов и поцелуев Отто.

*Отправитель: солдат Отто Урман
Адресат: семья Зборил, Вена, Австрия*

Новый год, 1943

Мои дорогие!

Сначала хочу вас всех поздравить с Новым годом! Надеюсь, что вы в него вступили так же хорошо, как я. Я вступил в него во сне. Чего-то подобного у вас не было. У меня еще все хорошо, но то, что нас держат впроголодь, и это мне никак не нравится. Буду теперь «стройным». Сегодня я получил два письма от Мии. Последнее от нее было даже от Рождества. Наконец, опять почта, шесть месяцев не получал. Надеюсь, скоро и от вас получить. Из своей старой части у меня тоже нет почты, которая должна была прийти на старый номер. Больше всего жду новогоднюю посылку, можно сказать, даже с болью жду эту посылку. Главное в том, чтобы я ее получил. Об отпуске я уже и не думаю. Здесь ото дня на день ждешь, что положение изменится. Дай бог, чтобы и это получилось. До сих пор зима была умеренной, если не будет холодной, то мы должны быть довольны. Что делается на скотобойне? Мне так хотелось бы съесть бутерброд с колбасой или свиного жаркого, мы уже привыкли к лошадиному жаркому. Что поделаешь.

Дорогая мама, если ты захочешь или сможешь мне что-нибудь послать, тогда каждый раз немного, неизвестно, дойдет ли и надо хорошо упаковать. И думаю, что к тому времени посылки опять будут доходить. Больше у меня нечего вам особенного сказать. Дайте скоро о себе знать.

Сердечный привет вам всем от вашего Генриха.

Прикладываю авиамарку. Следующее письмо пошлю не авиапочтой, и пройдет больше времени, пока оно дойдет⁵.

31.12.42

Мои дорогие!

Сейчас канун Нового года, и если я думаю о доме, у меня разрывается сердце. Так здесь все плохо и безнадежно. Уже четыре дня я не ел хлеба и живу только на супе в обед, а утром и вечером глоток кофе. Каждый день сто граммов мясных консервов или полбанки сардин в масле или немного плавленого сыра.

Везде голод, голод, голод и к тому же вши и грязь. Днем и ночью нас бомбят советские летчики и почти не прекращается артиллерийский огонь. Если в ближайшее время не свершится чудо, я здесь погибну. Мне очень плохо. Из вашего письма я узнал, что вы мне оправили посылку на 2 кг, в которой пакет с пирожными и мармеладом. Хед и Зиндерман тоже послали мне пирожные и другие деликатесы. Я все время думаю об этих вещах, брежу до галлюцинаций и боюсь, что они до меня не дойдут.

Несмотря на то, что я очень измучен, ночью я не могу уснуть, лежу с открытыми глазами и думаю непрерывно о пирожных, пирожных.

Иногда я молюсь, иногда думаю о своей судьбе. При этом все представляется мне бессмысленным и бесцельным. Когда и как придет избавление? И что это будет — смерть от бомбы или от гранаты? Или болезнь? Все эти вопросы занимают нас постоянно. К тому же мучительные мысли о доме, тоска по родине стали уже болезнью. Как может все это вынести человек? Или все эти страдания — наказание Божие?

⁵ Музей-заповедник «Сталинградская битва». Коллекция писем немецких солдат. Инв. № 677. в/п (33).

Мои дорогие, все это я не должен был вам писать, но у меня уже истощилось терпение, я уже растерял свой юмор и мужество, я разучился смеяться. Здесь все такие — клубок дрожащих нервов. Все живут, как в болезненной лихорадке. Если из-за этого письма меня поставят перед военным трибуналом и расстреляют, то для моего измученного тела это будет избавлением от страданий. У меня больше нет надежды. И поэтому я прошу вас не очень сильно плакать, если вы получите известие, что меня уже нет в живых. Будьте добры в отношениях между собой и любите друг друга. Благодарите Бога за каждый прожитый день, потому что жизнь дома — это счастье.

С сердечной любовью,
Ваш Бруно⁶.

*Ефрейтор Бруно Калига, п/п 202196
семье в Берлин, Бойссельштрассе, 44*

Россия, 1.1.1943

Моя дорогая Эльза!

Я хочу тебе опять написать несколько строк, как вы тамживаете? Со здоровьем у меня пока хорошо.

Дорогая Эльза, ты наверное давно не получала почты от меня, я тоже давно жду писем. Я знаю, дорогая Эльза, что если ты от меня получишь письмо, ты тут же ответишь. Почта сейчас очень долго в пути, не успевают все доставлять, надо иметь терпение, скоро все пойдет быстрее. Моя дорогая Эльза, из дому у меня тоже давно нет почты. Дорогая Эльза, ты пи-

⁶ Музей-заповедник «Сталинградская битва». Коллекция писем немецких солдат. Инв. № 17572. (92). Факсимиле письма и конверта приводится в настоящей публикации. Опубликовано на немецком языке: Stalingrad — eine deutsche Legende. S. 70–71.

шешь, что мама просила у тебя марки, и ты послала посылку, которую я все еще не получил, и из дому я тоже еще не получил посылку.

Мама беспокоится, что тут с нами случилось, все пройдет. Дорогая Эльза, что ты сейчас делаешь, я думаю о вас обоих. Напиши, как вы обе праздновали рождество. Были вы у мамы, очень жаль, что меня не было дома. Мне тяжело вспоминать рождество, как оно проходило здесь. Мне на ум приходят все мои грехи.

Дорогая Эльза, я тебе когда-нибудь напишу, не сейчас, а в следующем письме, крепись, я знаю, ты теперь будешь думать.

Моя дорогая Эльза, я теперь провел полгода в России и знаю, какая в России погода, надеюсь, что у вас не так холодно. Самое плохое — это метели и холод. Слава Богу, половину зимы пережили, и вторая половина пройдет. Дорогая Эльза, думай о солдате...

Моя дорогая Эльза, на этом я хочу закончить. Привет и поцелуй от твоего Августа. Привет и моему маленькому Герду.

На Востоке, 7.I.1942(43)

Мое сердечко Клерхен!

Тысячи сердечных приветов посылает тебе, моя дорогая Клерхен, твой Готфрид. Как у тебя дела, любимая? Надеюсь, еще все хорошо, да? О себе я могу сообщить тебе еще самое хорошее.

Дорогая Клерхен, наконец-то я опять имею возможность написать для тебя несколько строчек. Уже прошла опять целая неделя, как я тебе не писал. Дорогая Клерхен, пожалуйста, не сердись на меня из-за этого. Я бы охотно каждый день писал тебе нежное письмо, но в настоящее время я просто до этого не могу добраться. Сейчас нас всего несколько человек со связистами, и мы почти круглые сутки в пути. Ах, дорогая Клерхен, как было бы все хорошо, если б не было войны.

Но мы должны, моя любимая Клерхен, переносить все терпеливо и воспринимать жизнь такой, какая она есть. Ведь мы лично ничего не можем изменить. Мы можем только довериться господу богу, а он уже будет все правильно регулировать. Будем надеяться, что все это скоро кончится, и я скоро опять буду с тобой и навсегда. Дорогая Клерхен, как прекрасна будет опять жизнь, если мы сможем каждый день быть вместе, как это было раньше. Наверное, это будет не так скоро, но когда-то должно опять прийти это чудесное время! Дорогая Клерхен, что нового на любимой и прекрасной Родине? В настоящее время я мало что слышу о Родине, т. к. почта наша не доходит. Надеюсь, не очень долго еще придется ждать, пока, наконец, мы получим всю нашу почту и прелестные рождественские бандероли. Когда это слишком долго тянется, становишься постепенно таким нетерпимым, правда, дорогая Клерхен? Тебе теперь тоже придется подольше ждать мои письма, но не печалься из-за этого, мое любимое дитя, а утешайся своим Готфридом. Должно же скоро все опять измениться. Здесь пока еще все по-прежнему. Мороз, похоже, устойчивый, но терпеть можно. Лучше, конечно, было бы, если б было лето, ведь жару легче переносить, чем холод. Дорогая Клерхен, на сегодня я уже опять должен заканчивать. Я это письмо опять посылаю авиапочтой. Родная моя, Клерхен, пожалуйста, думай всегда обо мне. Я тебя тоже никогда не забуду. Будь здорова и прими еще раз сердечный привет и горячий поцелуй от твоего, верно-го навеки, Готфрида.

До свидания!!!

Дорогая Анни, Курт, дети и Губерт!

Сегодня, 8 января, хочу вам написать несколько строк. Не знаю, получили ли вы все мои письма и получите ли. Во всяком случае, я пишу настолько часто, как мне позволяет бумага. Думаю, что вы будете немного рады, если почтальонша Фрида

принесет вам письмо или что-то подобное. Но я еще помню, что Курт, придя из хлева после обеда, садится на диван и читает мое или другие письма обстоятельно и даже вдумчиво. В то время, когда я еще был среди вас, он так делал. Я думаю, что Курт, читая эти строчки, поступит именно так, сидя на старом месте. В общем, мне еще живется неплохо. Единственно, чего нам недостает — это еды и отпуска. Точно все описать нельзя. Дорогой Курт, я думаю, что ты уже все понял из моих писем? В каком дрянном положении мы здесь находимся, здесь в крепости Сталинград! Тут для тебя картина становится ясной.

При таком снабжении это не продлится долго. Пехота погибает, как и самолеты. Но должно что-то случиться, чтобы спасти нас от этого голода. Как вы там все поживаете? Дорогой Курт, можешь мне поверить, не буду же я вам тут сказки рассказывать. Я почти полных 10 недель не получал почты с Родины. Здесь чувствуешь себя очень одиноким. Если я когда-нибудь приеду в отпуск, дорогой Курт и Анни, вы очень удивитесь моей внешности, я так похудел, как полузамерзшая собака. Силы, которые я когда-то имел, исчезли. Если пробежишь километров 3–4, то спотыкаешься через каждый маленький камень. Я думаю, вряд ли вы меня узнали бы. Внутри я еще остался прежним Родрихом. Изменяешься лишь внешне. И это в конце концов объяснимо. 200 граммов хлеба, 50 граммов мяса и 50 граммов масла — это наш рацион на день. В обед получаем водянистый суп из конины. Невозможно представить, что солдат выдерживает. Голод не тетка, и приходят разные мысли. Значит, если я когда-нибудь вернусь к вам, то я вам приготовлю то, что, наверное, в жизни вы никогда не ели. Я уже разное ел, Анни, ты же помнишь раньше. Просто не верится, если бы сам не видел. Не знаю, что еще писать, я надеюсь, вы будете довольны и этим строчкам. Рассказать я мог бы гораздо больше. Но лучше всего промолчать и терпеть.

Дорогие Анни и Курт, передайте привет лучшим друзьям, которые вблизи вас. Может быть, Хоппок еще там и другие. Теперь хочу закончить в надежде, что мы скоро увидимся здоровыми. Много вам приветов с далекого востока от ефрейтора Альфреда Родриха.

Может быть, у вас будет возможность мне скоро написать. Вкладываю вам авиамарку. У нашего отца завтра день рождения. Вы помните, ему исполняется 60 лет⁷.

10 января 43 г.

Моя дорогая Хильдегард!

Наступило время, когда ты снова услышишь обо мне. Я могу тебе послать сердечный привет. Настроение в эти мгновения хорошее. Тяжелые бои, которые здесь происходят, не дают возможности писать чаще. Твое последнее письмо я получил три недели тому назад. И будет отлично, если это мое письмо уйдет к тебе. Это совершенно понятно в последнее время.

Прошло 10 дней, и я продолжаю писать это письмо тебе. Сегодня 20 января. Я не мог дописать его раньше. Я даже не уверен, что вообще эта почта будет отправлена. Мы переживаем сейчас трудное время. Если ты следишь за хроникой вермахта, ты можешь это понять. Здесь стоят страшные морозы. Температура в последние 10 дней 20–30° холода. Мы надеемся, что зима продлится здесь не так долго, и военное счастье снова к нам повернется. На сегодня достаточно.

Сердечный привет! Вальтер⁸.

⁷ Музей-заповедник «Сталинградская битва». Коллекция писем немецких солдат. Инв. № 677. в/п (16). Без даты.

⁸ Там же. Инв. № 677. (37).

12.I.1943

Мои дорогие!

Вначале много сердечных приветов. Как дела у вас обоих? Надеюсь, здоровы и бодры? Очень ли холодно у вас и много ли снега? У нас зима сносная, иной день очень холодно, а иной немножко теплее. Как сегодня — совсем холодно и ветер переменился. Снега не очень много, и пока мы можем сидеть в бункере, еще сносно. Позавчера и вчера было опять довольно круто, русский опять хотел изо всех сил прорваться, но, как обычно, он был отброшен с тяжелыми потерями. И сегодня еще здорово гремит. У нас опять были два раненых. Вообще, я пока здоров и бодр. С почтой дела плохи, юнкерсы и кондоры доставляют боеприпасы и пропитание, это же главное.

Письмо коротковато, но это опять знак всегдашних мыслей о вас обоих, мои дорогие. Приветствую вас еще раз сердечно, ваш отец.

*Адресат: госпоже Марии Вайтценбек,
Лоосдорф, Вестбан Нижний Дунай.
Отправитель: Ханс Вайтценбек, п/п 31902*

12.I.1943

Дорогие Марта и Гильдегард!

Десять часов вечера, я сижу в своем бункере и думаю о вас, мои дорогие. Мои товарищи, их уже много здесь, большую часть из них отправили в пехоту, лежат и спят. Положение еще такое, как было. Русские сильно нападают. Пока удавалось их отбивать, но положение может и измениться. Конечно, надо держать голову высоко, и пока еще есть надежда, что положение улучшится. Те товарищи, которые воюют в пехоте, им гораздо труднее. Я пока здоров и бодр, еды пока достаточно, все сыты. Сегодня я 150 марок отправил на Гильдегард. Пока нет от вас почты и по авиа, у них там другие дела, чем отправлять почту, перевозят то, что здесь более необходимо.

Как вы поживаете, оставайтесь здоровыми. Обо мне не беспокойтесь, судьба все равно сыграет так, как хочет. Я буду пи-

сать каждый третий день, авиамарки у меня еще есть. Теперь, мои дорогие Марта и Гильдегард, много тысяч приветов и поцелуев от вашего папочки!

*Фрау Марта Генштель, Блю Шпандау, 20.
Отправитель Э. Генштель, п/п 28320*

Сталинград, 12.1.43

Моя дорогая мама, мой дорогой отец!

Написать нового нечего, так как обо всем, что здесь происходит, вы узнаете из сводок вермахта. Так что я приветствую вас сегодня этими строчками, и полные благодарности могу написать, что я на сегодняшний день чувствую себя нормально. Почту жду с нетерпением, но что здесь можно изменить. Для нас время тяжелое в любом отношении, описать это в письме вряд ли можно. Я надеюсь, мои дорогие, что вы еще здоровы и получили мои письма с 84 фотографиями⁹. Я также желаю от всего сердца, чтобы вы получали письма о моей радости. Думайте обо мне, как и я о вас. И если в этих тяжелых боях Бог оставит мне жизнь, тогда радость встречи не будет иметь границ. Я здесь солдат, и это должно быть всегда у вас перед глазами.

Я постоянно думаю о вас, мои дорогие родители, приветствую вас с горячим желанием о возвращении домой здоровым.

Ваш благодарный сын Эрих¹⁰.

*Густав Хелленбрух Крефельд, Риттерштр., 273.
Отправил обер-ефрейтор Эрих Хелленбрух*

⁹ У многих офицеров и солдат немецкой армии были фотоаппараты, и в первые месяцы войны они делали много фотографий, которые отсылали домой. Очень часто они фиксировали казни, повешения, расстрелы мирных жителей Советского Союза, запечатлевали повседневную сторону войны.

¹⁰ Музей-заповедник «Сталинградская битва». Коллекция писем немецких солдат. Инв. № 677. (8).

В поле, 13.1.1943

Дорогие родители!

После долгого ожидания получил, наконец, два пакетика с сахарином, сахаром и сухими фруктами. Меня очень порадовало как раз теперь получить это. Мое сердечное большое спасибо за это. Прошло, к сожалению, 14 дней после Рождества, но было также вкусно. Я еще ожидаю до сих пор посылочки из дома от моей жены и из Плауэна от тещи. Писем у меня уже давно нет, с 5.12.42 я без какой-либо почты. Надеюсь, что долго не будет так плохо, и вскоре что-то придет. Итак, как я уже сказал, это была радость, когда я смог получить вчера дважды доброе известие. Жаль, что сейчас нет больше марок, если появятся, я опять подумаю о вас. Как вы вообще получаете мои письма? Каждый второй день отправляю письмо на родину, если вы получаете какие-то, я рад. Еда тоже скверная, надеюсь, дадут когда-нибудь отпуск, тогда я, конечно, все нагоню. Как там дома настроение? Все ли в порядке? И у нас ничего нового, главное мы здоровыми вернемся домой. Этим письмо я, к сожалению, не мог прислать марок авиапочты, если они опять появятся, я напишу больше. Это плохо, когда нет письма в ответ, не знаешь, что и писать. На этом моя мудрость кончается. Еще раз спасибо за хорошие вещи.

Приветствую вас сердечно, ваш сын Иозеф¹¹.

13.1.43

Дорогие родители!

За долгое время у нас тут сегодня опять холодная ясная ночь. Чудесное звездное небо производит большое впечатление. В последние дни был часто неприятный туман: снег и метель определяли погоду. Нужно было целыми днями держать наготове лопату, чтобы расчищать вход. И поскольку бункеры

¹¹ Там же. Инв. № 677 в/п. (12).

все врыты в землю, часто бывает так, что утром от них видны только холмики.

Самое отвратительное — это ветер, который вновь все заносит. К счастью, уже середина января, и можно без преувеличения сказать, что по крайней мере половина зимы у нас уже позади. Но как мы должны радоваться, что не были подвергнуты такому страшному холоду как в прошлом году! А как проходит зима дома? Наверное, как обычно.

Как обстоят дела с мамиными зубами? Я все-таки надеюсь, что доктор Леман постепенно привел их в полный порядок. Ведь уже почти год, как мама начала заниматься ими. Это так безнадежно, что мы почти не получаем почты. Последнее письмо было в начале ноября. Сейчас такое же положение, как летом во время наступления. Единственная надежда, что и это опять вновь все изменится.

Сердечный привет посылает вам, дедушке и тете Агнессе ваш Эрих¹².

13.1.1943

Мои дорогие мама, бабушка и Марианна!

Сегодня, мои дорогие, я хочу вам написать мое первое письмо в этом году. Как у вас дела, все ли вы здоровы? Получили ли вы мои письма? Я уже давно не получал почты. С тех пор, как мы здесь в таком положении, я получил всего три письма от Ирмы и две старые стограммовые бандероли. Как здесь обстоят дела, ты знаешь, наверное, от Ирмы. Ее предположение было верным, но об этом как-нибудь после, когда все наладится. Главное, мне пока везет, и я здоров. Вы ежедневно слу-

¹² Музей-заповедник «Сталинградская битва». Коллекция писем немецких солдат. Инв. № 21972. (84). Опубликовано на немецком языке: Stalingrad — eine deutsche Legende. S. 78.

шаєте сводки вермахта? Тогда вы каждый день можете о нас что-нибудь услышать. У нас сейчас три кавалера Рыцарского креста и два — Золотого немецкого креста¹³. По этим наградам вы можете судить, что здесь делалось. Около 100 танков было подбито только нашим подразделением. Что касается меня, я пока еще здоров. Погода здесь еще сносная, лежит снег. Бывают и холодные ветреные дни, тогда снег несется по окрестностям. Русские не дают нам покоя, они каждый день атакуют своими танками наши. Я здесь сделал себе на будущее несколько заметок. Мы действительно сразу попали в настоящий угол, когда прибыли в эту дикую отсталую Россию, но тут ничего не поделаешь. Наступит и весна опять, и для нас будет светить солнце. Имей в виду, если мне выпадет счастье приехать в отпуск, то я весь дом поставлю вверх ногами, внесу оживление в общество, все, что только можно, будет открыто кино, театр и т. д. Что мы только не пережили и через что прошли, я смогу вам только устно когда-нибудь рассказать, Вы будете удивлены, т. к. вы и малейшего представления не имеете о том, что здесь делается. Но не теряйте надежды, мы все сделаем, мы выдержим ради вас, ради родины, победа должна приблизиться!

Мама, твой сын все тот же, только серьезнее он стал из-за трудного времени. Но ты знаешь, и весело может быть, если бы я только был с вами! Как бы я хотел быть опять с вами на родине. Как дела у бабушки, она еще здорова? Чем занимается Марианна, здорова ли она; у нее еще много работы? Она ответила на мое прежнее письмо. Я был бы рад, если бы она тоже написала пару строчек своему брату, который и ради нее здесь, на чужбине находится.

¹³ Имеются в виду Рыцарский крест и орден первой степени Немецкого креста — высшие награды вермахта.

Вам тоже понятно, наверное, что у меня нет времени писать каждому в отдельности. На сегодня я хочу закончить в надежде, что это письмо застанет вас здоровыми.

Сердечный привет тебе, дорогая мама, бабушка и Марианна от вашего Эриха. Привет также Ирме и ребятам¹⁴.

Россия, 13.I.1943

Дорогие родители!

Надо сегодня вам написать несколько строк. Я скоро не буду знать, что вам писать, потому что давно не получал от вас известий. Вчера опять пришло несколько писем. Один из наших получил посылочку и один письмо — у нас это большое счастье, если ты получишь почту. Надеюсь, что скоро будет лучше. Дорогие родители, возможно, что я в ближайшее время редко буду писать, некоторых из наших шоферов отсюда направили в пехоту, при следующей отправке я буду отправлен. Ехать машинами сейчас все равно невозможно, так как все дороги перемело. Хорошо, что летная погода еще сносная, иначе нам и есть было бы нечего, так уже рационы очень скудные. Прибыли бы поскорее наши рождественские подарки. Хочу закончить и надеюсь, что вы еще здоровы, то же самое могу о себе написать. Передайте привет Лизе и Клаусу.

Сердечный вам привет, Гергард.

Среда, 13.1.43 г.

Дорогая Лизбет!

Сегодня я вновь пишу тебе письмо. В этот раз получился большой разрыв между моим последним письмом и тем, ко-

¹⁴ Музей-заповедник «Сталинградская битва». Коллекция писем немецких солдат. Инв. № 677. в/п (30).

торое пишу сейчас, последнее ведь было от воскресенья 10.1. О чем писать, не знаю, мы каждый день надеемся на почту, но, к сожалению, напрасно. Правда, позавчера была почта, но для меня, увы, не было ничего. Пришло только несколько писем и пара пакетиков. Те, кто получил это счастье, могли радоваться. Уже дважды один и тот же солдат получил 2 посылочки, 14 дней назад и позавчера опять. Все один и тот же, это ведь несправедливо, но что поделаешь, остается только глазеть и надеяться на следующий раз. Теперь, наверное, почту накапливают до нашей замены, но как знать, произойдет ли это еще? Положение заставляет задуматься. Очень влияет погода, русские опять как следует разворачиваются, чем сильнее штормовая погода, тем лучше для них. Вот уже двое суток не прекращается жуткий буран, и холодно до отчаяния.

Вы, вероятно, слышите по радио о трудных боях, которые мы вынуждены вести каждый день, а эти атакующие танки теперь бесконечны. Дорогая Лизбет, мы часто спрашиваем себя, сколько еще мы сможем выдержать все это, иногда мы близки к отчаянию, но потом собираемся и поднимаем голову. Когда-нибудь это же закончится, но только когда? Вот вопрос, на который мы не в состоянии ответить. Вчера мне опять снился дом, мы были на свадьбе, там были вкусные торты. Когда их приносили, я ел, и мне казалось, что никто за мной не наблюдает, и напихивал ими полные карманы. Ты еще сказала, что это нехорошо, я вымажу этой сладостью свои брюки. И как раз в тот момент, когда было так вкусно, пришел дежурный и разбудил меня на смену, и все это великолепие исчезло. Дорогая Лизбет, видишь, мне снятся все время дом и жратва, но это больше от голода. Если бы я теперь вернулся домой, то мой костюм сидел бы на мне лучше, так как мой живот здорово спал и, наверное, еще уменьшится. Это, конечно, хорошо, но голод

отнюдь не хорош для этого, я теперь знаю по-настоящему, что это такое. Наше единственное желание — насытиться¹⁵.

Адресат: госпожа Элизабет Штурм.

Вормс – Хенштрайн, Малерштрассе, 15.

Отправитель: старший ефрейтор Тео Штурм 31902

Среда, 13 января 1943 г.

Дорогая Труде!

Мое настроение и наше положение такое же, что и вчера. Сейчас я как раз читаю прекрасную книгу, которая рассказывает о судьбе двоих. Это так схоже с нашей судьбой, что я после каждой строчки думал о тебе. До завтра.

Сердечно, Петер¹⁶.

Написано 13.1.43. Восток

Дорогая жена, в начале своего письма сообщаю, что я еще, слава Богу, жив и здоров и надеюсь, что эти строки застанут тебя в полном здравии.

Дорогая жена, мы все еще в окружении и в конце концов Бог сжалится над нами и поможет нам выбраться, иначе мы пропали. Мы не получаем ни посылок, ни писем, твоя посылка, которую ты для меня собрала, тоже, наверняка, потеряна.

Дорогая жена, не переживай за меня, так как Бог есть и здесь с нами на Востоке. Дорогая жена, не думай, что я пишу так мало, я больше думаю о тебе. Мне нечего больше писать, я пишу ровно столько, чтобы ты знала, что я еще жив и у меня

¹⁵ Музей-заповедник «Сталинградская битва». Коллекция писем немецких солдат. Инв. № 677 в/п (14). Без подписи. Отправитель — старший ефрейтор Тео Штурм. Восстановлено по конверту.

¹⁶ Там же. Инв. № 21972 (34). Опубликовано на немецком языке: Stalingrad — eine deutsche Legende. S. 75.

все хорошо. Дорогая жена, насколько я понял из твоего письма, Эдмунт тоже находится здесь, в котле. Я заканчиваю писать, шлю привет и целую тебя и сына и передаю привет всем остальным, до скорой встречи.

Хельвин Брейткрейц. Ответь, пожалуйста¹⁷.

15.I.1943

Дорогая Альмут!

До сегодняшнего дня я еще не получил никакой почты от тебя. Это ведь и невозможно, так как теперь почту не привозят, даже рождественскую почту до сих пор не доставили. Причины этого теперь, вероятно, известны. Мы лежим возле Сталинграда и в этом жутком холоде ужасно страдаем. Концы моих пальцев немного приморожены. Я не могу хорошо писать. Но я все же иногда дам о себе знать, чтобы тебя успокоить.

Со времени моего отпуска у меня нет известий и от моих родителей. Но я надеюсь, что через 4 недели этот обман будет позади и что тогда будет более спокойно. В настоящее время здесь до проклятия трудно при этом холоде быть стойким мужчиной. Каждый должен сильно стиснуть зубы, но и это время пройдет.

На сегодня с сердечным приветом.

Твой Йозеф.

*Адресат: Альмут Мюллер, Бадберген,
сельскохозяйственная школа.*

Отправитель: ефрейтор Йозеф Мюллер, п/п 23161С

¹⁷ Там же. Инв. № 677. в/п. (42). Факсимиле письма опубликовано: Stalingrad — eine deutsche Legende. S. 77.

Моя дорогая, добрая Паула!¹⁸

Сегодня выдалось время написать тебе опять, моя дорогая Паула, несколько строк. Надеюсь, что ты и наши дорогие дети здоровы, у меня тоже все хорошо, и я здоров. Мы находимся еще вблизи Сталинграда. Русские атакуют наше расположение каждый день большими силами. Дорогая Паула, такого я еще не видел, многое уже пришлось увидеть и пережить, но такое — это сверх всего, к тому же еще холод и сильный ветер рвет лицо. Ко всему этому еще и голод, страшный голод. Только вечером нам дают поесть, все съедаешь и потом, лишь через 24 часа, лишь вечером получаем опять еду. Дорогая Паула, я едва держусь на ногах, нет сил. Дорогая Паула, надеюсь, что скоро это изменится, все снабжение мы получаем по воздуху. Дорогая Паула, если бы только эта война кончилась, и я смог бы, наконец, опять быть у своей дорогой жены и дорогих детей. Уже два года, как я не могу быть с вами, два года, очень долгое время. Кто бы мог подумать, что мы не сможем увидеться целых два года! Провалиться бы этой проклятой России, мы в худшем положении, чем звери. Моя дорогая Паула, мы должны молиться, тогда наш дорогой господь нас не покинет и снова соединит нас здоровыми и счастливыми.

Дорогая Паула, будем держать данное слово и сходи, когда тебе позволит время, в Вегенталь¹⁹ и молись о том, чтобы мы скоро смогли встретиться здоровыми.

Дорогая Паула, пошли мне немного поесть, меня ужасно мучает голод. Если и сейчас мы почту не получаем, то по-

¹⁸ В бывшем Особом архиве (Москва) сохранилось письмо этого же солдата от 7 декабря 1942 г. Опубликовано: Ich will raus aus diesem Wahnsinn. Deutsche Briefe von der Ostfront 1941–1945. S. 137. (См. ч. 3 настоящего издания).

¹⁹ Вегенталь — женский монастырь.

том мы все вместе получим наши посылки и все смогут опять наесться.

Дорогая Паула, ты получила те деньги, которые я тебе выслал в письме? Все 110 марок, я мог бы опять тебе немного выслать, но не отправляют. Дорогая Паула, что делается в Вейлере и в округе. Теперь, моя дорогая Паула, самые лучшие пожелания, сердечные приветы, целует тебя сердечно твой верный Иосиф.

Много приветов нашим дорогим детям Альвине и Йозефу²⁰.

16.1.43

Моя сердечно любимая женушка!

Во время сильного холода, бомбежки, пушечного обстрела пишу тебе, моя девочка. Ничего больше не могу тебе писать, как несколько слов. Помоги мне, Боже, пережить это время, которое у нас здесь настало. Русские день и ночь наступают такими большими массами, мы делаем все, чтобы их сдерживать, иначе мы пропадем в котле, в который мы здесь попали. В январе мы стараемся не терять головы и смелости, надолго ли, мы ждем освобождения. Нас сильно мучает голод, жаль, что не получили рождественские подарки, теперь вряд ли их получим. Уже несколько недель, как мы вообще никакой почты не получаем.

Ах, моя любимая, когда мы опять увидимся? Как ты поживаешь? Ты еще вспоминаешь своего мужа? Ты еще здорова? Моя душенька, как я хочу тебя видеть. Привет матери и Дитеру. И ты, моя любимая женушка, прими много поцелуев и приветов от твоего мужа²¹.

²⁰ Музей-заповедник «Сталинградская битва». Коллекция писем немецких солдат. Инв. № 677. в/п (73).

²¹ Там же. Инв. № 677. в/п (47).

Россия, 16.I.1943

Мои дорогие!

Хочу сегодня опять послать вам сердечное приветствие из морозной России. Уже в течение нескольких дней господствует здесь господин «Мороз». Я думаю, что это ненадолго, так как всегда между этим были и легкие дни. По сравнению с прошлым годом погода очень умеренная, ведь ниже 20° не так часто. В общем, с погодой в этом году нам везет. Но этой большей частью и единственное везение.

Мои родные уже давно не получали от меня писем, вы уж меня извините. У меня действительно нет письменных принадлежностей, теперь уже затруднительно отправить вам несколько строчек. Но о вас-то я не могу забыть, иначе вы будете слишком много беспокоиться.

Когда наступят лучшие времена опять, вы будете засыпаны письмами.

На сегодня я хотел бы попрощаться и пожелать вам и в дальнейшем всего хорошего.

Ваш Фридрих.

Воскресенье, 17.I.1943

Моя любимая маленькая жена, у нас сейчас очень и очень неприятные дни, и я не знаю, когда этому будет конец. Может быть, свершится скоро большое чудо, и к нам придет помощь. Я еще здоров и все еще не теряю надежды. Как ты поживаешь? У тебя сейчас, наверное, много забот. Ничего, все будет хорошо, моя дорогая возлюбленная. Твой супруг²².

²² Получатель Герда Гайс. Отправитель оберрефрейтор Гайс.

Россия, 17 января 1943. Воскресенье, до обеда. 11.00

Моя дорогая жена и мои дорогие дети!

Дорогая Лайда, теперь уже опять восемь дней, как я вам написал. Я бы написал вам еще на этой неделе, но здесь все так переполнено и мало места, чтобы написать. Я лежу теперь на своей кровати и пишу, но плохо видно, кто-то все стоит, заслоняя свет, то один, то другой. Во-первых, я и сегодня могу сообщить о своем наилучшем здоровье, надеюсь тоже и у вас, мои дорогие. Мои пальцы на ногах еще не совсем зажили, есть еще нарывы, когда один проходит, появляется новый, но это не так страшно. Дорогая Лайда, я жутко голоден, но надо еще 3–4 часа ждать. Тогда дадут литр жидкого супа, порцию 200 гр. хлеба и немного колбасы или масла, это еда на весь день. Да, эта нищета с едой, и курево исчерпано, дают только 3 штуки в день. Но надеюсь, что это здесь продлится недолго. Как ты поживаешь, моя любимая, не будь такой печальной.

Если это хочет Бог, все будет хорошо и мы увидимся здоровыми. Мои милые детки, как вы живете? У вас тоже холодно, здесь теперь очень холодно. Дорогая Лайда, на сегодня кончаю, я должен немного дров наколоть. В конце всего доброго, много тысяч раз приветы и крепкие поцелуи от твоего любимого Вилли, вашего любимого папочки. До свидания, если Бог этого хочет.

Вчера вечером нам повезло, фельдфебель нашей старой роты принес нам немного еды, каждому упаковку сухих хлебцев, кусок настоящего хлеба, полшоколадки и 10 сигарет. Я по-настоящему разок опять был сыт. Дорогая Лайда, теперь говорят, что котел окончательно открылся, значит, скоро будет лучше, пора ведь!

Итак, спокойной ночи, мои дорогие²³.

²³ Музей-заповедник «Сталинградская битва». Коллекция писем немецких солдат. Инв. № 677. в/п (7). Без подписи. Отправитель: ефрейтор Вилли Вееге, п/п 13887. Адресат: госпожа Алаида Вееге, Нордхорн-Ганновер. Восстановлено по конверту.

Восток, 17.1.43

Дорогая мама!

На сегодня я еще жив и здоров, чего и тебе желаю. Мне сейчас и представить трудно, как я вернусь домой. Наверное, все таким чужим покажется. Я знаю, что ты мне постоянно пишешь, но я скоро совсем не буду знать, о чем еще писать. Я думаю, что ты удовлетворена и несколькими моими строчками. Дела в магазине идут, наверное, соответственно времени. Какая у вас зима, мы на мороз жаловаться не можем. Я буду рад, когда пройдут еще $1\frac{1}{2}$ месяца, тогда будет опять легче. Как чувствуют себя твои ноги, надеюсь, получше. Передай, пожалуйста, приветы старым знакомым однополчанам, сама знаешь, кому, и постоянным клиентам²⁴. Хорошего тебе здоровья и до скорой встречи.

С сердечным приветом твой Карл. Передай также приветы соседям Бейербах, Кислинг и Буллингер. Только не отсылай все бандероли²⁵.

Россия, 19.1.43

Мой дорогой брат!

Наконец-то, я опять имею возможность написать тебе несколько строк. Как у тебя дела сейчас? Не наступило ли затишье на вашем участке? К нам почта не поступает, ты, наверное, знаешь, что это значит. Только авиапочта прибывает иногда. Таким образом, я и смог получить еще письмо, которое вы с Гертрудой написали совместно. Это, кстати, была последняя для меня почта! Как ты поживаешь?

В любом случае я буду бесконечно рад, если выберусь отсюда живым и невредимым! Но все должно быть нормально.

²⁴ Имеется ввиду клиентам магазина.

²⁵ Музей-заповедник «Сталинградская битва». Коллекция писем немецких солдат. Инв. № 677. в/п (25).

Дорогой Оскар, если война закончится, и мы оба вернемся домой здоровыми, тогда ты немедленно свяжись-ка с винным погребом. Ты, наверное, догадываешься, почему. Я также думаю, что мы тогда будем иметь право провести честно заработанный приятный вечер. Ты там сидишь тоже на «особо приятном» клочке земли. Злые языки у нас утверждают, что вы там питаетесь только сыром из тубиков и консервами из сардин! Так ли это на самом деле?

На этом я должен закончить. Извини за почерк. Передай привет своей жене от деверя, будь здоров и с сердечным приветом к тебе твой брат Ферди²⁶.

Россия, 20.1.43 г.

Мои дорогие!

Мой самый сердечный привет шлет вам ваш Пауль. У меня еще все хорошо, надеюсь, что и у вас все в порядке. О том, что происходит здесь, в Сталинграде, вы слышите в передачах с фронта. Будем надеяться на Бога, мои дорогие, и продолжать бороться, пока не удастся освободиться. Никаких новостей нет. Почту не получаем, сейчас важное — снабжение боеприпасами и продовольствием. Будем сильными и мужественными и надеяться, что останемся здоровыми.

В надежде, что скоро увидимся на родине здоровыми, остаюсь с многими приветами, ваш Пауль²⁷.

20 января 1943 г.

Моя любимая!

И сегодня я шлю тебе и нашему маленькому «плуту» сердечные приветы и поцелуи. Уже давно и напрасно я жду от

²⁶ Там же. Инв. № 677. в/п (67). Получатель: ефрейтор Оскар Дюрккопф. Отправитель: обер-фельдфебель Фердинанд Дюрккопф. Восстановлено по надписи на конверте.

²⁷ Там же. Инв. № 677. в/п (55).

тебя почту, но, судя по теперешнему положению, рассчитывать на это в скором времени и не приходится. Я предполагаю, что ты очень внимательно следишь за сообщениями вермахта, особенно, что касается боев в районе Сталинграда. За последние две недели нас, конечно, не баловали; у нас позади некоторые малоприятные часы, но я надеюсь, что мы это еще преодолеем.

В целом дела у меня еще сносные. Я надеюсь, что ты и маленький «плут» в полном здравии. Мы, солдаты, с тоской ждем предстоящую весну и уже теперь считаем дни, которые отделяют нас от нее. Главное, я еще совершенно здоров. Новостей у меня нет, каждый день одна и та же картина. Что дома нового? Здесь радуешься каждой строчке из дома. Интересно, чем занимается Тео? Так как сюда не попадают самолеты с почтой, у меня нет вестей и от него. Находится ли он еще в Гельзенкирхене или в другом месте? Если ты будешь писать Тео, то я прошу передать ему сердечный привет. Как только у меня будет его адрес, я напишу ему. Дела у него хотя бы улучшились, не влюбился ли он? Ты только раз намекала на что-то такое. Я не знаю точно, кто, ты или Ханни, сообщала мне об этом.

Дорогой сорванец! Не думаешь ли ты еще раз сфотографироваться с маленьким «плутом» и прислать мне ваш портрет. Я был бы очень рад скорее получить фотографию. Кстати, я хотел спросить у тебя, был ли кто из знакомых в последнее время опять призван на службу. После речи доктора Геббельса и выступления по радио высокопоставленного военачальника следует ожидать нового набора, так как вся тяжесть войны лежит в первую очередь на плечах крепких, но немногих. Может быть, настанет очередь и тех, кто с начала войны отирался дома и еще никаких военных лишений на своей шкуре не испытал.

Что ж, мой дорогой сорванец, больше я не знаю, о чем тебе еще написать. Был ли в этом году на Рейне дрейфующий лед или нет? Я надеюсь, что дома зима в этом году была не такая суровая, как в прошлом. С сердечным приветом и поцелуями к тебе и маленькому «плуту».

Твой Густав.

Передай также горячий привет семьям Дик и Штрайтенберг. Вкладываю три авиамарки. Когда я получу всю почту от тебя и всех других родственников, у меня хватит чтения на неделю, надеюсь²⁸.

В поле, 20.1.43

Мои дорогие, матушка и К.!

Сообщаю вам, что я еще здоров и бодр. С отпуском придется еще немного подождать. Когда здесь все опять будет в порядке, тогда я первый в очереди на отпуск. Надеюсь, что вы еще здоровы. Можешь опять написать, давно ничего от вас нет, ни весточки. Как здесь обстоят дела, ты, наверное, узнала по радио. Надо только быть счастливым, тогда все будет в порядке. О том, что у вас происходит, пиши подробнее, большей радости у нас здесь и нет. У меня здесь лежит 200 марок, скоро их вышлю. Если кто из вас выслал нам к Рождеству посылки, а вы не получили еще ответа, то знайте, посылки не дошли до нас, они лежат в Сталино²⁹, их там сохраняют, пока здесь опять все будет в порядке. Дорогая матушка, напиши тотчас опять, чтобы от вас была бы хоть какая-то весточка, пиши только

²⁸ Музей-заповедник «Сталинградская битва». Коллекция писем немецких солдат. Инв. № 677. в/п (59).

²⁹ Сталино — (бывшая Юзовка). С 12 января по 12 февраля 1943 в Сталино располагалась штаб-квартира группы армий «Дон». В 1961 г. город переименован в Донецк.

авиапочтой, иначе опять ничего не дойдет. Остальным передай привет. Скоро опять напишу.

Приветы и поцелуи от вашего папы³⁰.

Россия, 20.1.1943

Мои дорогие родители!

Наконец-то я снова могу написать вам пару строчек. Бернхард и дядя Вилли, а также и другие уже должны были получить от меня письмецо. Но я буду писать каждые три дня. Почты из дома после первых двух писем еще не было. Но я надеюсь, что в скором будущем с этим будет получше. Если судить по расхожим лозунгам, наше положение нельзя назвать неблагоприятным. Будем же надеяться на лучшее и старательно молиться об устойчивом счастливом конце. Нужно только крепко полагаться на Господа Бога, он еще с нами и не оставит нас. Теперь я должен сообщить вам печальную весть о том, что нет больше моего хорошего друга: Гельмут Шмитц погиб. Позавчера я узнал об этом от одного товарища, который лежал с ним на передовых позициях.

Во время наступления русских его настигла пуля. Попадание в грудь — он наверняка не так сильно страдал. Мне жаль его. Он был таким естественным, веселым, жизнерадостным юношей и в тоже время серьезным и глубоко религиозным. Еще по дороге сюда он много рассказывал о доме и о своих родителях, которых он надеялся снова скоро увидеть. Но вышло совсем не так, как мы думали.

О чем еще важном можно сказать? Я лежу еще в нашем старом окопе. Ноги болят еще немного, но с каждым днем видны улучшения. Санитар каждые три дня делает мне перевязку. Погода теперь изменилась. С того времени, как наступило

³⁰ Музей-заповедник «Сталинградская битва». Коллекция писем немецких солдат. Инв. № 677 (24).

полнолуние, больше совсем не холодно, и первый час нашего дежурства здесь проходит быстро. Если нам придется пробыть здесь еще месяц, дело пойдет уже к весне. Тогда здесь, в России, уже все будет полегче переносить. Сейчас же я все еще ношу теплый пуловер, который мне мама дала с собой. Он для меня до сих пор был незаменимым. Да, мама, ты знаешь, что необходимо для твоего сына. Вшей, правда, в нем ужасно много и их приходится давить. Поэтому я его на ночь снимаю, чтобы эти мучители не слишком докучали.

Как теперь обстоят дела с посылкой бандеролью, дорогие родители? Можно ли опять стограммовые посылать? Для больших бандеролей мы еще не получили марки. Но если они будут, они тут же авиапочтой пойдут в Германию. Если и сейчас еще не будет почты, то я надеюсь-таки, что недели через две все наладится. И было бы хорошо, если б я тогда получил сразу несколько стограммовых бандеролей с шоколадом, марципанами и др. Все товарищи еще с тоской ждут свои рождественские бандероли. Но у меня для них, к сожалению, не было еще марок. Со сладостями здесь у всех затруднения. В рации такое совершенно уже отсутствует.

Как дела дома, надеюсь, все здоровы. Мама не должна в это время года много проводить в магазине, поскольку я знаю, как холодно зимой. И особенно с твоими желчными и почечными историями, дорогая мама, ты должна беречь себя. Отец тоже должен больше заботиться о своем здоровье, и не надо думать, что если Бернхарда нет, он должен работать за двоих. Бернхард еще определенно в Зесте, тяжелое время он уже пережил. Надеюсь, он остался в Германии в лазарете; достаточно того, что я здесь лежу в грязи.

Ну, мои дорогие родители, примите сердечный привет от вашего любящего сына. Генрих³¹.

³¹ Там же. Инв. № 677. в/п (84). Опубликовано на немецком языке: Stalingrad – eine deutsche Legende. S. 84–85.

famili
Paul Hoffmann

Langenberg 2012
Mühlbacher Str. 17

... auf dem Doppel bestanden wird und
auf dem erst so wohl in der
weise. Das wollen wir so fassen da
es ist man ja gerne alles, wir Best
best Feinden ist mit diesem Dargest.
Es wünscht und sagt, wie Sie Sie
sind, Sie wir so ein Dargest
Das, kein Dargest wenn Sie in der
brückten Ziffer sind, da bringen
die im Dargest in unsere Dargest

644 Sp. 11/10 K. 131 2/4

Часть 3

«Я хочу прочь из этого безумия»

Письма из фондов бывшего Особого архива (Москва)

Россия, 20.XI.1942

Мои дорогие!

Ваше дорогое письмо я получил вчера, большое спасибо, также и за почтовую бумагу. О том, как будем жить, нет и речи?? Мы должны пробиваться и надеяться на лучшее будущее. Да, жизнь на войне жестокая, и если ты сюда послан, ты должен исполнять свой долг. Я еще здоров, и если ничего не случится, скоро приеду в отпуск. Еще лучше было бы, если бы мы тут уже все закончили, и совсем вернулись домой. Питт пишет мне тоже, что совсем недавно был от меня очень близко. Из дома пишет Анна о хорошем, у нее все благополучно, что успокаивает. Сейчас я на ночном дежурстве, стою у моей печки и пишу. Стола и стульев тут нет, как и многого другого. Во время следующего перерыва буду уничтожать вшей на рубашке, всегда с успехом, это обычное занятие, как хлеб съесть. Здесь уже было очень холодно, до 20 градусов и еще этот злой восточный ветер.

Да, ваша жизнь дает нам только решимость бежать из этой страны. И мы, пехотинцы, молим Бога, все одинаково, дорогой Бог на небе, пошли нас назад в рейх.

Сердечно приветствует вас зять Тиас¹.

¹ Ich will raus aus diesem Wahnsinn. S. 137.

Россия, 7.XII.1942

Моя любимая хорошая Паула!

Снова появилась возможность, моя любимая Паула, написать тебе письмецо. Я уже долгое время не имел возможности писать, но сейчас есть такая возможность. Моя любимая Паула, мы были окружены, но сейчас снова свободны. Еды в последние дни было очень мало; мы должны были экономить. Моя любимая Паула, 4 и 2 дня назад я получил посылки по 1 килограмму каждая. Я благодарю тебя от всего сердца за то, любимая Паула, что я был так рад, когда я получил посылки. У нас нечего есть, и тут как с неба, эти посылки, итак, еще раз моя горячая благодарность. Печенье и булочки были такие вкусные, и колбаса. Моя любимая Паула, через несколько дней снова Рождество, любимый семейный праздник, и я снова не с тобой и нашими детьми, надеюсь, скоро придет день, когда я буду снова с тобой, любимая Паула. Если бы получить отпуск, но отпуска сейчас снова отложены, надеюсь, что этот запрет скоро будет снят. Моя любимая Паула, как у тебя дела, надеюсь, что ты здорова, как и наши дети. У меня тоже все хорошо, я здоров, только у нас очень холодно, много снега, когда только эта зима закончится. Любимая Паула, если это возможно, пришли мне снова еды. Любимая Паула, я надеюсь, что ты получила деньги, надеюсь, что ты уже что-то получила. Моя любимая Паула, надеюсь, что наши дети получают подарки в этом году к Рождеству, это все очень дорого, драгоценно, и как было прекрасно, здорово, когда я при раздаче рождественских подарков и тебе, моя любимая Паула, мог подарить рождественского ангелочка. Многие и сердечные приветы и целую тебя сердечно, твой любящий тебя Йозеф².

² Ibid. S. 149. Письмо от 15.01.43 помещено в разделе 2.

На Востоке, 23.XII.1942

Моя дорогая тетя Анна!

Наилучшие и сердечные приветы к вам с далекого востока посылает Юпп.

Слава богу, я еще жив и здоров. Нахожусь на передовой линии, где очень тяжело. Мы должны ютиться в открытых землянках день и ночь в сильный холод, мы уже совсем замерзли. Снабжение очень плохое. 7 мужчин получают в день на всех столько хлеба, сколько раньше получали двое. Почту мы тоже не получаем. С 19 ноября не получили ни единого письма или чего-либо. Да, дорогая тетя, мы здесь уже с трудом себя заставляем бороться, и нужно много мужества, чтобы побеждать врага. С 21 декабря я произведен в ефрейторы за храбрость перед врагом, со мной был еще один молодой ефрейтор, мы оба были награждены. Что меня радует, так то, что мы получили маленькие рождественские посылки, больше ничего. Я бы с большим удовольствием был у своих родителей во время Рождества. К сожалению, судьба не хочет, и я должен Рождество встретить на передовой. Такое Рождество³.

На Востоке, 30.XII.1942

Дорогая Ирмгард!

Прими сначала горячие и сердечные приветы с фронта перед Сталинградом от Тео. Надеюсь, что ты здорова и бодра, как и я. Особенно такой бурьян, сорная трава, как я, это хуже, чем чертополох, чувствует себя здесь хорошо. Я написал письмо домой. В письмо, которое послал домой, я вложил авиамарку для тебя, ты должна сходить домой и взять, когда будет время.

Надеюсь, ты провела Рождество и новый год хорошо, не так, как мы в бункере и землянках, без елки.

³ Ich will raus aus diesem Wahnsinn. S. 159.

У нас был самый печальный рождественский праздник, без почты, без елки, свечей, короче, без всего, что напоминало бы о Рождестве.

Но я рад, что вы дома провели Рождество немного спокойнее, и я точно знаю, что вы думали о нас хорошо в этот святой вечер, как и мы, вспоминали вас. Как часто слово Германия и родина звучали в этот святой вечер, я не знаю, но очень, очень часто. Я нахожусь в бункере с одним 22-летним юношей, он плакал в этот вечер, как маленький ребенок. Я скажу тебе, что у нас у всех слезы в глазах стояли, когда мы услышали, что почты не будет. Но несмотря на то что мне тоже 21 год, я сцепил зубы и сказал «может быть, завтра почта придет», хотя я сам так не думал.

Так прошло у нас Рождество 1942 года, и я никогда в жизни это не забуду. Но, несмотря на это, живем с юмором. Как у тебя дела? Я надеюсь, все хорошо. Что делает моя любовь еще? Я очень дерзкий, нескромный? Но меня эта тайна интересует. О моей любви к тебе ты уже слышала дома. Сейчас я ищу новое начало, и поэтому хочу тебя спросить, в твоём сердечке есть место для меня? Я давно храню тебя в своём сердце. Но ты этого не хочешь.

Не думай обо мне плохо, дорогая Ирмгард, если я написал немного ерунду?

Я вложил письмо для тебя в самый лучший конверт. На этом заканчиваю и надеюсь на скорый ответ. Сердечно приветствую тебя, твой Тео.

Болтать вдвоем так хорошо
И если при этом третий,
Не нужно говорить о погоде,
Нужно говорить о любви? Это говорит о любви⁴.

⁴ Ibid. S. 161.

На Востоке, 30.XII.42
В фирму Ст.

Дорогие коллеги и шеф!

Посылаю вам из далекого востока наилучшие приветы. Позволю себе предположить, что все вы здоровы и все идет на высоте! Что нового я могу сообщить о себе. Я уже 6 месяцев в России и за это время много пережил. Прекрасное Рождество мы смогли отпраздновать очень скромно. Уже то было хорошо, что мы получили немного приветов из дома. И снабжение было не слишком. На Рождество было 200 гр. хлеба и к нему 200 гр. повидла, еще 400 гр. мяса свинины и 18 сигарет. И ни одной посылки. Мы уже к этому привыкли. И знаем, что по-другому не будет. Мы надеемся на лучшее будущее. Русский, как и в прошедшую зиму, как бешеный. Но он ломает себе шею. Это он нам заварил кашу с таким малым довольствием.

Каждый день мы надеемся на освобождение. Половина зимы уже, слава Богу, прошла. И это все, чего можно желать. Нельзя все рассказать в письме, это было бы длинно. Придет время, когда все будет по-другому, и мы можем пойти в отпуск.

Это, в самом деле, не лучшее, когда всю зиму должен сидеть в землянке. Ежедневно здесь на Дону уничтожаем танки, но появляются новые. Этому должен прийти конец. Извините, пожалуйста, что я написал так открыто, как здесь все выглядит. Едва ли кто на родине имеет об этом представление. Я должен закончить в надежде, что все будет хорошо и так останется.

С сердечным приветом к вам ваш Вилли Б.⁵

⁵ Ich will raus aus diesem Wahnsinn. S. 163.

На Востоке, 4.I.1943

Дорогая мама!

Сегодня хочу я тебе снова послать короткое письмо. Вчера я получил только одну открытку.

Здесь все по-старому. Очень мало еды и холодная погода. Сегодня в обед у меня был только жидкий суп, и этим до завтра я должен обходиться. И так продолжается уже долго. Мой желудок урчит, как мельница. Я очень напряжен, как дальше должно идти? Кто об этом говорит, должен на следующий день чувствовать себя немного лучше. Но думать об этом нельзя. Нужно что-то делать, иначе больше не будешь стоять на ногах. Голод безумный. Кусочек сухого хлеба кажется вкусным, как пирожное. Но и он есть не каждый день. Если бы я мог сейчас быть дома, сидеть за столом и кушать сухой хлеб. Я бы не хотел ничего другого. Надеюсь, скоро придут хорошие времена. Так не может оставаться. И с рождественской почтой ничего нельзя сделать. Сначала нужно открыть дорогу. Что принесет грядущий день? Но нужно держаться и не вешать голову.

Пока все у меня идет хорошо, как и у тебя, я надеюсь. Что делают отец и Лотар?

Желаю тебе на сегодня всего хорошего и остаюсь с сердечным приветом твой сын Петер!

Сердечные приветы Кете и Эльзе⁶.

Написано 12.I.1943

Моя дорогая сладкая мамочка,
дорогой сын и дорогие родители!

Моя дорогая, пока есть возможность, я могу написать субботнее письмо. Вчера была суббота и ужасный день. Сегодня не намного лучше, но я могу тебе сообщить, что я еще вполне

⁶ Ibid. S. 170.

здоров. Мы живем в очень трудных условиях. Это невозможно описать, и кто знает, как долго это будет. Пишу, пристроившись на коленях. Почты не было вот уже больше восьми дней. У нас почти каждый день потери. Многие из товарищей погибли или ранены. Есть и с обморожениями, так как подолгу находимся на холоде. Если бы только снова пришли почта и желанные посылки. Иногда я прихожу в отчаяние. Надежда на освобождение улетучивается с каждым днем. Дорогая, время остановилось, и я смертельно устал. Целую ночь не спал, и кто знает, как будет сегодня. Я никогда не думал, что смогу это пережить и поэтому мое убеждение: никогда больше войны. Мои дорогие все, я только удивляюсь, как я это выдерживаю. Надеюсь, что придет еще день освобождения. Любимый Бог до этого дня меня хранил, надеюсь, и дальше он меня не покинет. Как только буду свободнее, напишу подробнее. Извини, что сейчас пишу не так много, нет возможности. А тут еще эти паразиты. Надеюсь, ты получишь почту. Карточки я написал, между тем, без авиамарок. Mamочka, тебе, как и всем вам, остаюсь навсегда со многими сердечными приветами и поцелуями, ваш дорогой отец и сын Фриц.

Передайте приветы дедушке, всем родственникам и знакомым. До свидания⁷.

В поле, 12.I.1943

Моя дорогая Герта!

Снаружи слышен шум моторов. Это русский летчик. Тут и там падают бомбы. Одна бомба заставила меня проснуться. Я видел чудесный сон. Сейчас 3 с половиной часа ночи. Поэтому я решил написать тебе маленькое письмецо. Мы находимся все еще возле Сталинграда. В нашем маленьком бункере живут 6 мужчин. После двух часов пополудни уже темно,

⁷ Ich will raus aus diesem Wahnsinn. S. 208.

поэтому я решил лечь спать раньше обычного. В 4 с половиной я лег, говоря по-немецки, рухнул плашмя. Мне приснился чудесный сон. Будто я был в отпуске. Сначала дома, а потом у тебя. Это были прекрасные дни. Мне снилось, что мы вдвоем каждое утро после кофе отправлялись на несколько часов на прогулку. И где мы с тобой не были, я не могу тебе описать, иначе ты рассердишься. Если я действительно переживу отпуск так, как я видел во сне, то я больше ничего не хочу, как снова в отпуск. Ты удивишься, но это точно. Но, дорогая Герта, это будет для нас несколько месяцев позже. Я думаю, что через три месяца здесь в России наступит «конец», и дальше ничего как назад, в Германию. Я думаю, мы принадлежим уже к иностранцам, или ты так не думаешь? Когда я получу отпуск, ты будешь гулять уже с обер-ефрейтором. В течение двух месяцев будет видно. И две благодарности я уже имею. И ты можешь увидеть своего Фрица. Я выгляжу сейчас диковато. Но это переживем. Я отпустил себе бороду. Ее тоже нужно будет сбрить.

Ну, дорогая Герта, я должен заканчивать.

Много приветов и поцелуев посылает тебе твой Фриц⁸.

15.I.1943

Дорогие родители!

Сегодня есть немного времени написать вам несколько строчек. С сегодняшнего дня мы можем каждый день писать по одному письму без авиамарки. Но в этом нет смысла, потому что, во-первых, я не могу получить почту от вас, а во-вторых, я должен вам описывать только нужду. Как долго мы сидим в котле, я писал вам каждую неделю в письме. 20 января будет два месяца, как мы окружены, и это продлится до тех

⁸ Ibid. S. 209.

пор, пока мы не будем освобождены. Но как долго мы будем получать снабжение, остается вопросом. Холод и голод изнурил, истощил лучших солдат. Точно как в прошлом году, есть случаи обморожения ступней и пальцев рук. Русский проводит тотальную пропаганду листовками и предлагает нам сдаваться в плен, поскольку наше положение бессмысленно. Но надежда нас не покидает, хотя мы видим, что... мы вообще не едим мяса. Сейчас у нас есть еще две лошади, и на этом наступит окончательно конец. Мы уже сами варили легкое, чтобы что-то иметь в желудке. Я сам ем один раз в день в обед. Когда я хлебал свой водянистый супчик, я как будто съел кусочек хлеба с колбасой или маслом, а потом я снова тоскливо жду следующего обеда. Я хочу определенно знать, в чем наша вина, что этот голод так дорого должен стоить. Вы можете, наверное, меня ударить, но когда я могу представить, что я мог бы съесть, я прихожу в ярость. Часто в своих мыслях я рисую себе хорошую еду, но потом получаю только капустный запах. Дорогие родители, я мог бы обо всем промолчать и написать, что у меня все идет хорошо, но вы должны всегда знать, как есть на самом деле. На сегодня я заканчиваю и иду спать.

Спокойной ночи, дорогие родители, и много сердечных приветов от вашего Германа⁹.

Район Сталинграда, 15.I.1943

Моя дорогая, хорошая Бетти!

...Я уже три дня болен ангиной (воспаление миндалин). Температура до 40 градусов. И можешь себе представить, как это меня скрутило? После чего нас голод грозит уже поставить на колени. Ты знаешь, дорогая Бетти, что горло мое слабое место, а к этому еще и этот климат. Тело потеряло свою силу, так как без жира, без нормальной еды это продолжаться не может.

⁹ Ich will raus aus diesem Wahnsinn. S. 228.

Но это продолжается уже восемь недель, а наше положение и наша трагическая судьба все не меняется. Еще никогда в моей жизни судьба не была ко мне так жестока, и никогда голод так не добивал, как сейчас. Сейчас война показывает нам свою серьезную сторону, но теперь это называется прочнее затягивать стальной шлем. Только в этом спасение. Когда многие из наших рядов выбиты, и кто завтра и послезавтра будет в строю? Но я должен от этих проклятых мыслей, которые нами овладевают, отойти, моя тема была совсем о другом, но ты можешь понять, дорогая Бетти, что я все время возвращаюсь в действительность. Это у каждого здесь так. И почему мы не можем быть друг с другом открытыми и серьезными, как это было всегда, и я думаю также, моя хорошая Бетти, что я тебя так люблю, чтобы тебя вводить в заблуждение. Это я тоже не мог делать никогда. В конце концов запрещено быть открытыми! Если написать, как есть в действительности, то письмо надо уничтожить. Ничего важного я тебе этим не сообщил, и, наверное, оно придет к тебе. Уничтожь, пожалуйста, эти строчки или держи при себе, иначе я пропал. Ты не можешь себе этого представить, дорогая Бетти, как здесь ужасно, какое это ужасное слово — война. Если не появится хоть один лучик освобождения на горизонте, то мы никогда не покинем Россию. У меня есть одна сердечная просьба к тебе, моя дорогая Бетти, если судьба не пожелает другого, не будь печальной, а будь гордой, что мы пали для тебя, для всех вас, для нашей любимой прекрасной родины... Твой Жорж¹⁰.

Россия, 17.I.1943

Дорогие родители!

День снова идет к концу, и я думаю, это воскресенье. Сейчас шесть с половиной часов, и как раз сейчас мы закончили

¹⁰ Ibid. S. 222.

охоту на вшей. Когда я вам напишу эти строчки, мы хотим еще поиграть в карты. Здесь, в прочном Сталинграде, борьбе нет конца. Вы должны из военных сводок слышать и знать, что русские в последнее время наступают нам на пятки.

Но терпение, эта зима тоже когда-нибудь кончится.

Холод здесь порядочный. Сегодня, должно быть, градусов 40. Но у нас теплый бункер.

Я еще вчера послал вам авиапочтой письмо и забыл вам вложить авиамарку почтовой. Я пошлю вам ее позднее. Я не могу теперь писать вам так часто, как раньше, потому что действительно не знаю, что писать, кроме того, чтобы послать сердечные приветы, поэтому мой конверт в два раза уменьшился. Ладно, я заканчиваю. Много приветствий от вашего Пауля.

До радостного и здорового свидания дома¹¹.

Район Сталинграда, 19.I.1943

Моя сердечно любимая Габриела!

Сегодня у меня немного спокойнее, и я могу написать тебе несколько строк. Я надеюсь, что ты получила мою почту. К сожалению, я здесь все еще жду почту. Она никак не приходит. Ты можешь представить мое «настроение». Я полностью раздавлен и очень опечален. Когда получаешь хоть одно письмо, это не с чем сравнить. Дело обстоит так, что в 1943 году все против меня. Разве не должно все измениться? Поверь мне, моя дорогая! Если бы у меня не было тебя, я бы давно потерял всякую надежду. Мысли о тебе поддерживают меня. Но этому нет конца, ты не представляешь, я сыт по горло. Когда это дерьмо (извини, пожалуйста, за это выражение) закончится. Не только у меня одного так идут дела, у всех товарищей то же самое. Все предчувствуют конец, не только я. Но когда он придет? Ни один человек не может этого сказать. Меня охва-

¹¹ Ich will raus aus diesem Wahnsinn. S. 229.

тывает ярость, и я могу сказать только одно: я хотел бы хоть однажды приехать на родину и рассказать, как тяжело здесь было. Только на 24 часа и я бы вылезился.

Ну, моя дорогая, не злись, что я немного вышел из себя. Ты определенно на меня не обидишься и можешь меня понять. Ты знаешь меня и знаешь, что я не могу так много говорить, но я должен выговориться. Я не могу об этом написать своей сестре и нанести раны ее сердцу. Она и так достаточно тяжело переносит. Но ты принадлежишь мне, и мы должны совместно эти горести переносить и доверять сердечную нужду друг другу.

Обо мне не беспокойся, я еще цел и невредим, надеюсь, так дальше и останется. Несмотря ни на что, у меня есть прочное чувство, что я тебя очень скоро увижу здоровой. Это чувство не покидает меня.

О том, что происходит здесь, я ничего нового сказать не могу, кроме того, что мы все еще находимся в котле. Как тут идут дела, ты слышишь в ежедневных военных сводках о Сталинграде. Большого я не могу тебе написать. Позднее, если все пройдет, я смогу тебе кое-что рассказать.

Как дела у мамы и папы? Надеюсь, они здоровы и бодры. Передай им, пожалуйста, всем мои сердечные приветы.

Ну, моя любовь, я должен закончить мое не столь радостное письмо. Оставайся здоровой и не теряй мужества. Поэтому выше голову и не падай духом.

С мыслями о тебе приветствую и целую тебя сердечно издалека, твой, искренне любящий тебя Ганс¹².

Район Сталинграда, 19.I.1943

Моя дорогая Лотти!

У меня сегодня немного спокойнее, и поэтому я воспользуюсь возможностью тебе написать несколько строк. Что я дол-

¹² Ibid. S. 231.

жен тебе написать, я не знаю. Я, к сожалению, до сих пор не получал почты. В любом случае знай, когда ты получишь эти строки, я еще бодр и здоров. Таковы дела в целом. По радио и, наверное, в газетах сообщается о Сталинграде. Поэтому не беспокойся за меня и не страшись. Все будет так, как будет. Я и мои товарищи сыты по горло. Скоро должен наступить конец. Так долго это не может продолжаться.

Несмотря ни на что у меня сильное чувство, что мы скоро увидимся живыми и здоровыми. Это будет. Только не надо вешать голову и терять мужество. Ты сейчас одна и тебе определенно очень тяжело. К сожалению, я не могу тебе помочь. Это мне доставляет много огорчений. К сожалению, в настоящее время невозможно изменить.

Ну, моя дорогая Лотти, на сегодня я заканчиваю. Скоро я напишу еще раз. Оставайся здоровой. Не теряй мужества. До скорого свидания, приветствует тебя издалека, твой брат Ганс¹³.

На переднем крае, 21.I.1943

Дорогой Петер!

Я хочу этим письмом попытаться установить с тобой связь. Некоторое время наша переписка прервалась. Но это зависит не столько от нас, сколько от русских.

Уже несколько месяцев я нахожусь около Сталинграда. Что здесь творится, ты слышишь часто из военных сообщений. О новом положении ты в любом случае информирован уже несколько дней через радио или прямые источники. Положение здесь очень серьезное. Русский пытается с наглой силой Сталинград занять и одновременно окружить армию. Русская авиация настолько активна, что подобного я еще не видел на протяжении всех боев.

¹³ Ich will raus aus diesem Wahnsinn. S. 233.

Тысячи и тысячи бомб падают с шумом на наши укрытия. День и ночь идут атаки на земле и в небе.

Танки с лафетами, на которых сидят по 10 человек, врываются на немецкие линии, чтобы разрушить оборону.

С фанатической силой обороняются немецкие пехотинцы против вражеской силы. Необходимое обеспечение поступает с воздуха. Почты мы не имеем уже 2 месяца. Гранаты и снаряжение, которые очень экономятся, заканчиваются. Все висит на волоске. Я определенно не пессимист, но эта нагрузка не может быть выдержана без скорейшей помощи. Если русские предпримут новую атаку танковыми силами, то мы можем потерять последний наш аэродром, который для нас как последний бастион. Как быстро придет обещанная помощь, мы не знаем. Лозунги трещат везде, но насколько они...

Хотелось бы надеяться, что это дело пройдет, и от меня бы ты этого не слышал, но ты знаешь, это связано с жизнью. Это не черный юмор, а голые факты то, что я тебе написал. Я прошу тебя ни с кем об этом не говорить, или наше положение изменится.

Последние сообщения остаются действительными, и в любом случае удары будут известны, но об этом не хочется думать. Но мы держимся и выполним наш долг до последнего. Горе русским, если они пойдут на штурм. Горе им! Ну, всего хорошего и с сердечным приветом, твой Франц.

П. ты можешь об этом сообщить. По почте я не могу ответить, так как с ноября мы не получаем почту. Рождественская почта тоже не пришла.

Франц¹⁴

¹⁴ Ibid. S. 234.

Luftpost

Familie

Franz Ruch

Bladbeck Westf
Kirchhellnerstr. 38

1938
Ruch
F. Ruch

wird
von
K 2

Ich reich
lich gegrußt
von euren
lieben

John

8PM17 Reich-21342 (V8)

160

Im Felde, den 19.1.43

Liebe Eltern in hl.
Röschchen!

Es grüßt Euch einer Sohn
aus dem fernen russischen
Land. Heute vor einem
Jahr hat man mich zu
den Soldaten gerufen. Ich
wünschte ich könnte jetzt
mal wieder in die Heimat
sein. Aber ich vertrau auf
unsern Heiland der wird
mich auch nicht im Stich
lassen. Er hat mir schon
durch so viele schwere Tage

Часть 4 «Я разучился смеяться...»

Письма из собрания Райнгольда Штерца

13.IX.1942

Мне довелось ехать через поле боя после одного из крупнейших танковых сражений последних дней. Широкая, немного холмистая степь, и повсюду, насколько хватает глаз, бесчисленные подбитые и сгоревшие танки, в основном русские. Немецкие танки можно увидеть редко, я видел только один, что является доказательством качества немецкого оружия.

Обязанностей по службе сейчас немного, время от времени даже строевая подготовка. Все думают, что наша часть останется здесь на зиму, так что в ближайшее время никаких потрясений не ожидается. Поэтому не волнуйся за меня. В небе много немецких самолетов, русские появляются лишь изредка, такой слабой кажется русская авиация, по крайней мере, на этом участке фронта.

*Ефрейтор О. К.,
3-я рота, 45-й саперный батальон*

16.IX.1942

Часто ли у вас бывает воздушная тревога? У нас все ночи напролет слышен гул русских самолетов, но в нашем захолустье это бесполезно. Днем они не показываются, об этом заботятся воины Геринга. Погода все еще хорошая, хотя стало довольно прохладно, теплые деньки, кажется, закончились. Я думаю, что мы покинем это идиллическое место, когда Сталинград падет.

Ефрейтор. О. К., 3-я рота, 45-й саперный батальон

17.IX.1942

Уже 14 дней мы стоим между Доном и Волгой, в 45 км от Сталинграда. Опасность небольшая, только ночью изредка нас беспокоят самолеты русских. Пока они не причинили нам никакого вреда. Со вчерашнего утра в Сталинграде идет решающее сражение. С 4 часов утра в воздухе находится множество наших самолетов. Они поддерживают наше наступление. Вчера вечером и всю ночь было видно зарево горящего большого города. Город имеет протяженность 20 км и очень сильно укреплен. Он расположен прямо на берегу Волги. Волга здесь шириной 3 км. Русские сражаются отчаянно. Наши войска заняли уже центр города. Это очень дорого обходится нашей бравой пехоте. В качестве подкрепления подошли еще две дивизии. Дай Бог, чтобы это тяжелое сражение скоро закончилось.

Солдат Г. Р., 389-я пехотная дивизия

19.IX.1942

Наше теперешнее положение следующее: мы находимся в 12 км южнее Сталинграда, 6 км отделяют нас от Волги. У нас приказ прикрывать с юга воюющие в городе и на подступах к нему части, довольно спокойное дело. Время от времени слышна артиллерия русских, но к этому привыкаешь, если она не слишком яростная.

*Унтер-офицер В. Б.,
штаб 371-го противотанкового подразделения,
371-я пехотная дивизия*

19.IX.1942

Вчера положение было неблагоприятным для нас. Русские танки совершили прорыв, и у нас объявили боевую готовность. Они обороняют Сталинград, как собаки, вы даже себе представить не можете. Каждый день происходят тяжелые бои, причем наша рота несет потери. На передней линии нас

всего 24 человека. Каждый день мы надеемся на падение города. То, что вчера и сегодня над нами гудели пикирующие бомбардировщики, дает основание полагать, что там не осталось камня на камне, город должен пасть. Я уже представляю себе, как Сталинград превратится в груды обломков и руин, окруженную могилами героев. Надеюсь, это продлится не слишком долго. Мы с напряжением ждем, что же произойдет, когда со Сталинградом будет покончено. Обещания с отправкой оказались пустыми словами. Тут я меньше всего разочарован, потому что уже не верю своим глазам. Но тайная надежда, что у нас все получится, всегда со мной. Надеюсь, что не только желание породило эту мысль, а что она станет реальностью.

*Ефрейтор Г. С., 2-я рота,
546-й пехотный полк,
389-я пехотная дивизия*

20.IX.1942

Вчера я был в Сталинграде, в этой части города еще идут ожесточенные бои. Нет ни одного целого дома. Гражданскому населению пришлось немало перенести. Но война не останавливается ни перед чем.

*Ефрейтор Е. Р., 4-я рота,
16-й мотострелковый батальон,
16-я танковая дивизия*

30.IX.1942

Если бы только закончить здесь, в Сталинграде! По прогнозам, сопротивление врага будет очень сильным, несмотря на то что они понимают, что проиграли. Они будут сражаться за каждый метр под натиском наших танков и артиллерии.

*Ефрейтор Г. С., 2-я рота,
546-й пехотный полк,
389-я пехотная дивизия*

1.X.1942

Мы занимаем позицию к северо-западу от Сталинграда, Дон еще не перешли. Я благодарю Бога за то, что он избавил меня от этой жестокой битвы за Сталинград. Там действительно нашла коса на камень. Сталинград — любимый город товарища Сталина, он очень важен для русских. Поэтому русские делают все возможное, чтобы не потерять его. Но участь Сталинграда, скорее всего, будет решена уже сегодня.

Местность, где мы располагаемся, очень бедная, малонаселенная, в основном степная. Русские пытаются пробиться через нас и отрезать снабжение Сталинграда. Мы удержали свои позиции, враг понес значительные людские потери. Так, за несколько дней мы разгромили шесть русских дивизий. Успех, который дался нам с трудом. Ведь с июля 1941 моя дивизия непрерывно участвует в боях.

*Унтер-офицер И. С., 6-я рота,
226-й пехотный полк,
79-я пехотная дивизия*

5.X.1942

Место, в котором мы сейчас находимся, — это сплошная степь. Редкие деревеньки, которые здесь располагались, использовались врагом чаще всего как опорные пункты. Их сожгли и сравняли с землей в боях за Сталинград. Все, что видел за последние недели, было ужасно. Но к этому так привыкаешь, что в конце концов перестаешь замечать. И это когда-нибудь пройдет.

*Солдат К. Х., 2-й эскадрон,
113-е разведподразделение, пехотная дивизия*

12.X.1942

Здесь все по-прежнему, и все надеются, что этот ужас скоро закончится. Долго русские все равно не смогут сопротивляться. Здесь, на юге, нам сказочно повезло с погодой, даже сегодня

ня, в это время года, почти каждый день светит солнце. Однако по ночам мерзкий холод. Через два-три дня наш «дом», в который мы заселимся вчетвером, будет готов.

*Унтер-офицер Г. В.,
штаб 671-го пехотного полка,
371-я пехотная дивизия*

16.X.1942

Все заметнее приближение зимы, хотя днем еще греет солнце. В окопах мы уже не спим, а домов здесь больше нет. Остались только обожженные руины. Мы живем, а точнее, ютимся в чем-то вроде бункера. Во всяком случае, у нас есть крыша над головой.

*Унтер-офицер Х. Б., 12-я рота,
671-й полк, 371-я пехотная дивизия*

18.X.1942

Сейчас мы участвуем в сражении за Сталинград. Несколько дней назад я был в Сталинграде. Вы себе даже представить не можете, как это все выглядит. Гражданское население находится в крайней нужде, это просто ужасно. Местность здесь пустынная, ни дерева, ни кустарника. Надеюсь, мне не придется провести эту зиму здесь, мне хватило предыдущей. Днем еще довольно тепло, зато ночью такой холод, что едва можно выдержать. На предыдущем месте мы построили земляной бункер, там было еще терпимо. Но здесь мы живем еще в палатках. Надеюсь, здесь, на юге, скоро все закончится.

*Обер-ефрейтор В. Х., 1-я группа,
2-я эскадрилья пикирующих
бомбардировщиков*

19.X.1942

Когда я подъезжаю к своей роте, на обратном пути беженцы из Сталинграда просят меня подвезти их. Вчера я подвозил

профессорскую семью с тремя детьми, которые довольно хорошо говорили по-немецки. Прежде чем подъехать к своему обозу, мне пришлось высадить их в открытом поле. С ними была и пожилая женщина. Было холодно, и шел дождь. Эти люди очень переживали. Женщина просила меня взять маленького ребенка (9 месяцев) в мою землянку, но это невозможно.

*Ефрейтор Х. С.,
2-я рота, 546-й полк,
389-я пехотная дивизия*

27.X.1942

Восемь дней назад мы заняли зимнюю позицию севернее Сталинграда. Картина в этой степи непривлекательная. В округе нет ни деревни, ни леса, ни дерева, ни кустарника, ни капли воды. Каждый день атаки русских. Сам город полностью разрушен и продолжает гореть, освещая в ночное время широкую степь. Здесь подходят слова из Евангелия, о которых я часто думаю: «Не должно остаться камня на камне». Здесь все выглядит именно так. Воду для кофе и чая привозят на машине, что занимает несколько часов. Час за часом и день за днем над руинами города летают немецкие бомбардировщики, **чтобы завершить свою работу**. Но у меня есть надежда и твердая уверенность, что я переживу и это, как я уже преодолел много опасностей этим летом. Нельзя терять мужество и веру в Бога.

*Рядовой К. Г., 2-й эскадрон,
113-е разведподразделение,
113-я пехотная дивизия*

3.XI.1942

Сталинград можно назвать адом. Несколько дней назад рота вышла на позицию, и за это время многие погибли. Наш командир, 23-летний лейтенант, очень хороший человек, только попал в Россию, а сегодня его уже нет в живых. Если бы

только все закончилось здесь. Солдатам самим плохо, так как мы уже привыкли двигаться вперед. Мне это уже совсем не нравится, семь дней я занимался ужасной работой. Мне пришлось выкапывать товарищей, которые поодиночке были захоронены здесь восемь недель назад. Хотя мы дополнительно получаем сигареты и вино, но я бы предпочел работать в каменоломне. Их перевозят на большое кладбище и перезахоранивают там. Я и представить себе не мог бы, что мне когда-нибудь в жизни придется выполнять такую работу. Но тебе приказывают, и ты выполняешь, так как приказ есть приказ.

*Ефрейтор Х. С.,
2-я рота, 546-й полк,
389-я пехотная дивизия*

6.XI.1942

Я лежу в овраге перед Сталинградом, где мы, точнее пленные русские, построили бункер. Пленных русских у нас здесь достаточно, и нам приходится их использовать, так как у нас не хватает людей. Ведь Сталинград стоил нам многих потерь. На Сталинградском фронте будет и дальше литься много крови. На юге Сталинграда я один раз был, там только груды развалин. Здесь еще был ранен Август Ш., когда он рубил дрова. Русские обстреливают эту сторону Волги тяжелой артиллерией. У нас, музыкантов, приказ охранять здесь технику. Надеюсь, не произойдет так, как прошлой зимой, когда нас отправили на передовую. Если мы перезимуем в этом овраге, то к весне отупеем. Здесь от жизни ждать нечего...

Сегодня видел много беженцев, которые идут из Сталинграда и хотят вернуться в тыл. Бедствия невозможно описать. Дети, женщины, старики в возрасте нашего дедушки лежат на улицах, плохо одетые и оставленные на холоде. Это такое потрясение, и хотя это наши враги, их все же жаль. Поэтому мы не знаем, как благодарить нашего фюрера и Господа Бога

за то, что он спас нашу Родину от страшных бедствий. Я видел уже много бедствий на этой войне, но Россия превзошла все. И в первую очередь Сталинград. Вы не поймете этого так, как я, это надо видеть самому. Поэтому не теряйте мужества. Я точно знаю, что это значит, когда англичане своими бомбежками уничтожают немецкую культуру и мирное население. Мы тоже слышим каждую ночь, как взрываются бомбы, но русские редко попадают в цель. Я всегда думаю, как высшая справедливость, которая стоит над разумом человека, допускает эти неопишуемые бедствия, которые происходят на Родине и еще больше здесь, на фронте.

*Унтер-офицер Г. Д.,
штаб 517-го мотопехотного полка,
295-я пехотная дивизия*

15.XI.1942

К сожалению, из Африки нет хороших новостей, но фюрер найдет выход и из этой ситуации. Нам, немцам, не останется ничего другого, кроме как сражаться до последнего. Продолжительность войны, конечно, всем действует на нервы. В сравнении с русскими вам живется еще относительно легко. На протяжении полутора лет русские женщины не получают известий от своих мужчин, не знают, живы ли они вообще, у других родственники в Петербурге, у матерей — дети, у детей — родители. Ни те, ни другие не имеют друг о друге известий и даже не могут надеяться, что получат их в обозримом будущем. Они все живут одним днем, без надежды и терпеливо, как могут жить только русские. Россия все еще остается для нас загадкой. Если взять женщин, которые работают у нас, то можно сказать: верные и покорные, как собаки. Весь день непрерывно работают, радостные и счастливые, если услышат хоть одно доброе слово. Иногда представляется случай одним быстрым взглядом определить состояние их души. Мож-

но только удивляться, как превосходно эта большевистско-еврейская пропаганда умеет привлечь людей на свою сторону. В результате полной изоляции от европейского и остального культурного мира люди не знакомы ни с чем другим; все, что предложили им коммунисты, они и сегодня считают самым лучшим. Я вижу, как вспыхивают их глаза, когда с пластинки зазвучит советская песня. Они подпевают с большим воодушевлением, для них это означает все: их молодость и Родину. Интеллигентная женщина, которая жила в Петербурге, рассказывала мне: «Большевики отобрали все у меня и у моей мамы, мы были арестованы, у нас отняли дом, мебель, все личные вещи, тем не менее в сердце я ощущаю себя коммунисткой, я никогда не знала ничего другого». Я часто слышал подобные высказывания: «Мы жили, могли себя содержать, у нас были театры, удовольствия, мы могли танцевать!» Евреи отлично понимали, как использовать этот терпеливый народ. Не переводя дыхания, теперь они признаются, что если бы они имели возможность жить, то делали бы то же самое для немцев. Россия останется большой проблемой! Их очень сложно будет убедить во вредоносности еврейства! Я часто вспоминаю в этой связи наших венских рабочих, от которых часто можно было услышать «но еврей тоже человек!» В общем и целом, конечно, их настроение зависит от состояния желудка. Поразительны моральные устои женщин, которые свидетельствуют о высоких ценностях народа. Для многих из них слово «любовь» значит абсолютную душевную преданность, на мимолетные отношения или приключение соглашаются немногие. Они демонстрируют, во всяком случае, что касается женской чести, совершенно неожиданно благородство. Не только здесь, на севере, но и на юге это так. Я говорил с одним немецким врачом, приехавшим из Крыма, он подтвердил это и даже заметил, что в этом даже нам, немцам, нужно брать с них пример. Женщина здесь, в России, играет несколько другую роль, чем немка. В то время как наша женщина должна видеть свое

высокое этническое предназначение в роли женщины и матери, русская — по-настоящему ведущая часть нации. Она занята во всех профессиях, исполняет обязанности слесаря, автомеханика, агронома, землемера и т. д. Здесь нет профессии, которой не могла бы овладеть женщина. Она принимает также активное участие в политической жизни, одним словом, она оказывает решающее влияние во всех областях жизни. Поэтому нет ничего удивительного в том, что мы довольно часто захватываем женщин-партизан, парашютистов и т. д.

*Обер-лейтенант Е. П.,
комендатура 32779 (II) 351*

20.XI.1942

Моей вины в том, что ты так долго не получаешь писем, нет, в среднем почта идет здесь около месяца. Я еще жду посылки из дома, отправленные в конце сентября — начале октября. Что же будет с рождественской почтой? Будем надеяться на лучшее. Со временем, наверное, придет. Я хочу исправиться и писать чаще, но, видишь ли, только одна открытка на человека в 3–4 недели — это очень мало. И в нашем бункере нет окон. Где же взять столько стекла? А сидеть на свежем воздухе — это время прошло. После того, как в течение 8 дней было до 15 градусов, стало немного теплее, а сегодня вечером выпал первый снег. Зима, похоже, окончательно вступила в свои права. Посмотрим, что будет дальше...

*Унтер-офицер Х. Б.,
12-я рота, 671-й пехотный полк,
371-я пехотная дивизия*

30.XI.1942

Холод держится как обычно, только ветер очень сильный. Наше снаряжение основательно, намного лучше, чем в прошлом году...

Когда мы с этим разделаемся, сейчас невозможно сказать, хотя я все еще надеюсь, что в следующем году в это время мы

уже будем дома, у теплой печки. 8 дней у нас было затишье, и мы уже надеялись, что сможем провести рождественский праздник тоже спокойно. Сейчас мы готовимся к новой операции. Где, вы обязательно услышите по радио. Если она будет успешной, а она должна быть таковой, мы покажем этим парням, как нарушать наш покой.

*Обер-лейтенант Х. Г., 27-й артиллерийский полк,
17-я танковая дивизия*

30.XI.1942

Какие у нас дела? Русские неожиданно прорвались на одном из участков, и нас бросают в контрнаступление. Мы достаточно сильны, так что никакая опасность нам не угрожает. Сегодня рано утром наши товарищи ушли в бой. Только что наш фельдфебель вернулся за спиртом и рассказал об этом.

*Лейтенант Х. Б., 29-й танковый полк,
12-я танковая дивизия*

6.XII.1942

Когда придет это письмо, ты вздохнешь глубоко. Я могу себе представить, с каким волнением ты его откроешь и прочитаешь после того, как неделями ничего не слышала. Когда оно только попадет в твои руки! Ничего в жизни я не желал так страстно, как того, чтобы это письмо дошло до тебя. Если счастье будет благосклонно, то оно придет еще перед Рождеством.

Прежде всего ты спрашиваешь, в чем причина, почему я не писал. Да об этом, как известно, писать нельзя. Из сводок вермахта ты, вероятно, знаешь, какие здесь идут тяжелые битвы, тут уже нет времени для писем, и вполне возможно, что транспорт используется для более важных вещей, чем почта.

*Обер-ефрейтор В. Р.,
2-й взвод связи, 48-й корпус,
Сталинград*

14.12.1942. Понедельник

Сейчас дела у нас идут полным ходом, поэтому отпуска не дают. Думаю, что вначале 1943 г. снова начнут давать отпуска. Наверняка. Уже везде говорят о том, что происходило здесь последние четыре недели. Были суровые дни. Здесь, в степи, нет сплошного фронта. Сражения проходят в определенных точках. Русские атакуют нас количеством. Они хотят прорваться к Ростову и отрезать нас от Кавказа. Наверное, ты не поверишь, что я с 18 по 26 ноября сплю по 4 часа в сутки. Мы достаточно маневренный отряд. Нас отправляли туда, где были самые ожесточенные бои. Раскидываем противника с флангов, мешаем снабжению. Только бы, казалось, долгожданный покой, как надо снова действовать. Теперь их наступление затормозилось. Нам остается лишь выждать. Когда ветер дует с севера, становится очень холодно. В степи война совсем другая. Здесь нельзя спрятаться в деревне.

*Э. М., обер-ефрейтор, 165-й батальон,
16-я пехотная дивизия*

14.12.1942

Все это время я не мог писать. С 22 ноября мы окружены. Но самое трудное позади. Мы надеемся, что Рождество будем праздновать, освободившись из «котла». Сейчас мы окружены, но и русские тоже окружены немецкими войсками. Генерал Манштейн находится в 30 км от нас. Сейчас для нас очень тяжелое время, поверьте мне. Я разучился смеяться. 8 дней назад в мою машину попала бомба. Я сам, слава Богу, отлетел на 10 метров. Куда бы ты ни ехал, можно попасть под артиллерийский обстрел. Поверьте мне, это еще не так плохо, все может стать намного хуже. Простите меня, если я плохо пишу или несвязно. Если бы вы могли видеть, где я пишу, тогда смогли бы себе представить. Я сижу в бункере. Слева и справа взрывы, сзади и впереди тоже. Я должен быстрее писать, по-

тому что не знаю, когда снова смогу попасть сюда. Это письмо я садился писать уже 4 раза, теперь я заканчиваю. Сейчас как раз обед. Дорогие родители, война скоро закончится. Когда мы вырвемся из «котла», Россия будет побеждена.

*К. П., 376-я пехотная дивизия,
Сталинград*

15.12.1942. Вторник

Сегодня я внезапно понял, что позавчера было воскресенье и третья неделя рождественского поста. Трудно в это поверить. В этот день у нас было очень много дел и не было времени подумать об этом. Я сижу сейчас в моей бедной конуре, подложил планшет и пишу тебе при свете свечи. Только что я вернулся от нашей группы, которая находится в 4 км от нашего соседа справа. Нужно было быть очень внимательным. Здесь нельзя ориентироваться по разбитым танкам, на участке нашего батальона их 60 или 70. При отходе я чуть не попался в руки русским. Слава Богу, мы вовремя это заметили, поэтому я впредь буду осторожен. Это очень необычно, идти ночью по переднему краю в заснеженной местности. Луна светит и звезды, и все так мирно замерло, как будто бы настала передышка. Но такая тишина длится секунды, потом снова начинается шум. Вечная мелодия фронта. Мешает то, что у нас до сих пор мало маскировочных халатов, но надеюсь, что ситуация вскоре изменится. Но мало кто верит, что все наладится. Вчера мы впервые получили шоколад. Никогда еще мне не казалось это таким вкусным. А так дела у меня хорошо, не беспокойся. Жаль, что почта не доходит, отчего я постоянно волнуюсь, как у тебя дела. Надеюсь, все в порядке.

*Лейтенант В. М.,
15-й полк, 29-я пехотная дивизия*

16.12.1942. Среда

Да, мама, ты мне все также пишешь, что моя прежняя полевая почта возвращает письма, но никаких посылок. Не держи

зла на бедных парней, потому что они уже несколько недель снабжают нас продовольствием по воздуху. Наш фельдфебель стал командиром роты, никого больше не нашлось.

Б. Б., солдат, лазарет № 528. Р.

16.XII.1942

Что мы получим к рождеству я не знаю, но, наверняка, немного. Больше всего я бы хотел получить хлеб с куском мяса, чтобы насытиться. Мы всегда говорим, что все изменится. В окопе, где нахожусь я, мы едим лучше. Рядом со мной лежит унтер-офицер, который каждое утро отправляет меня к определенной части. Там я должен ждать, пока не умрет лошадь. Я отрубаяю от нее кусок и тащу к окопу. Это мы едим вечером. Вчера я делал печеночные котлеты. 10 дней назад я сделал печеночную лепешку, и теперь я каждый день пеку хлеб.

Солдат

22.12.1942. Вторник

Вчера был праздник, а именно потому, что наконец-то пришла почта. От тебя я получил три письма от 15, 16, 17. Я очень рад был этому и благодарю тебя много раз. Ты не можешь себе представить, какое значение имеет почта в этой глуши. У меня дела хорошо, не волнуйся. Я мечтаю лишь о том, чтобы получить почту на Рождество. О посылках я и думать не могу. Очень жаль, но ничего нельзя изменить. Наверное, мы получим их позднее. Не забудь сохранить чеки за те покупки, которые сделаны для нашего новорожденного. Как у тебя дела? Когда ты получишь письмо, самое сложное уже будет позади, слава Богу. Поверь мне, я помню все и всегда переживаю, не легкомысленно ли ты там себя ведешь? Как жаль, что я сам не могу присмотреть за тобой. Здесь нет ничего нового, за исключением того, что у нас у всех появились вши. Вши как русские, одного убьешь, а десять уже здесь. Мы уже 14 дней не можем

помыться, но при этом мы постоянно слышим: «Все будет хорошо. Скоро придут другие времена и скоро все забудется».

*Лейтенант В. М.,
15-й полк, 29-я пехотная дивизия*

24.XII.1942

Дорогие родители, братья и сестры, сегодня в Рождественский сочельник я здесь, в русской степи, под Сталинградом. Когда вы будете читать это письмо, то, наверняка, почувствуете рождественское настроение, а особенно суровую, жестокую действительность, которая к нам сейчас ближе всего. Праздники не меняют ничего в нашей жизни, здесь фронт, и только внимательный глаз может заметить рождественские настроения. Наверное, вам видится это по-другому. Но вряд ли кто-то из вас может представить, что здесь творится, пока сам не испытает это. Невозможно описать то, что мы здесь переживаем и испытываем. И теперь... рождество... при тусклом свете свечи, с двумя колючками из русской степи вместо елки, пронизывающим восточным ветром, **глухими взрывами** и пулеметной очередью над нашим бункером. Слава Богу, у нас еще есть дрова, чтобы согреться. Я сижу вместе с командиром взвода, фельдфебелем и нашим связным и праздную Рождество. Рядом со свечкой мы поставили несколько фотографий из дома, мы думаем о вас. Несмотря на воспаленные глотки, мы даже спели «Stille Nacht» и «O, Du, fröhliche»¹, но очень хорошо не получилось, чего-то не хватает... вас. Уже три месяца я не получал весточки от вас, а в эти праздничные дни это было бы нелишним. Сколько это будет продолжаться? Несмотря ни на что воздушная почта продолжает доставлять письма, но их приходит очень мало. Несмотря на все трудности, для нас под-

¹ «Stille Nacht» («Тихая ночь») и «O, Du, fröhliche» («О, ты радостная») — рождественские песни.

готовили пару приятных мелочей. В пору большого дефицита мы получили 3 кекса и несколько сигарет — самая главная радость. Мы даже смогли сварить себе кофе в зернах и сделали глоток рома. Поверьте, мы были очень благодарны и искренне радовались этому. Многое меняется в жизни, и люди меняются. В прошлом году на рождество мне бы такое и не приснилось. Но при этом я все же доволен, я благодарю Бога, что мне выпало пережить рождество, оставаясь здоровым и бодрым. Этого же я желаю и вам, хотя, наверняка, вы много думаете обо мне и переживаете. Будем надеяться, что скоро увидимся. Уже почти 2 часа ночи, начался следующий праздничный день. Я был у других солдат, мы сидели вместе, и я пытался подбодрить их. Можно только удивляться нашим солдатам, единственным в своем роде — непобедимым. Надеюсь, родина сможет потом это оценить и признать.

С наилучшими пожеланиями.

*А. Р., унтер-офицер, моторизованный артиллерийский полк,
9-я рота, 60-я пехотная дивизия (моторизованная)*

27.12.42

Рождественские праздники прошли, прошли, как любой день, такое грустное Рождество. Ни письма, ни посылки, ничего. Только мысли обращены к родным местам, к нашим любимым. Но надо ли ломать голову? От всего этого мир не погибнет, даже если настроение у солдат совсем плохое. Рота понесла большие потери. Я не могу тебе рассказать больше о нашем положении, ты будешь плакать, но я и мои товарищи будем стоять до последнего.

28.12.42

Я должен сообщить вам печальную весть, что Ваш муж ефрейтор Вильгельм Зимс погиб 26 декабря в 25 км северозападнее Сталинграда. В рождественское утро русским уда-

лось прорвать наши позиции. Резервная рота, в составе которой находился Ваш муж вместе со своим братом, должна была ударить в тыл русским. Когда Ваш муж приподнял голову, чтобы оглянуться вокруг себя, его достала пуля русского снайпера. Он получил ранение в голову и немедленно погиб. Его брат находился около него и может Вам рассказать об этом подробно. Я понимаю, каким тяжелым будет это сообщение для Вас, и от имени всей роты выражаю большое сочувствие. Для роты это большая потеря, которую нельзя восполнить. И мы не забудем нашего Вильгельма. Мы похоронили его на кладбище 60-й дивизии, недалеко от тракторного завода, примерно в 20 км северо-западнее Сталинграда.

*Лейтенант Г.
92-й полк, 60-я пехотная дивизия*

31.XII.1942

Сегодня вечером мы снова варили конское мясо. Мы едим это без всяких приправ, даже без соли, а околевшие лошади пролежали под снегом, может быть, 4 недели. Как ты можешь понять, у нас нет лакомых кусков...

*Без имени отправителя,
1-я батарея, 631 артиллерийский полк*

3.1.1943. Воскресенье

Наверное, ты долго ждешь письма о том, как дела тут, в Сталинграде. Ты не можешь себе представить, каково это, если мы окружены, когда мы ничего не получаем. Когда же мы увидимся? Ты удивишься, как мы плохо выглядим. Пожалуйста, если сможешь, пришли нам что-нибудь. Мы не получаем писем. Прошло уже семь недель, когда я получил от тебя последнее письмо. Но мы надеемся, что скоро получим рождественские посылки.

*Без имени отправителя,
517-й полк, 295-я пехотная дивизия*

05.I.1943

Мне оказали должный уход. Я снова сыт и хочу сказать, что нахожусь в хорошем расположении духа. Я никогда раньше не думал, насколько лучше можно воспринимать мир на полный желудок. Это поразительно, до какой степениобразительным можно стать, если нужно. Ржаная мука с водой, к сожалению, без сахара и соли, как омлет, запеченный в масле, — превосходная на вкус. К сожалению, и мука закончилась. Сейчас наше блюдо — это конина. Слава Богу, у нас есть одна машина, но, к сожалению, у нас нет соли, лука и т. д. Мы едим продукты без соли, так как у роты тоже не осталось припасов соли. Ох, Боже мой, все складывается неблагоприятно. Я догадывался, что при таком положении с транспортом зима будет суровой для нас.

Если бы я верил в то, что это не будет продолжаться долго, я бы не писал всего этого. Но родина должна знать, как иногда нам тяжело. Позже буду опять перечитывать твои письма. Долгое время я уже не веду дневник.

Я сам занимаюсь стиркой белья! Если его даже кипятить, оно покажется сказочно чистым. Но сушить мы можем только одну вещь над печкой, так как в укрытии находятся еще 6 мужчин!

Все налаживается. Но мы будем только тогда радоваться, когда вся эта нелепица закончится. Мы потерпели неудачу. Другие чувствуют себя этой зимой намного лучше, чем прошлой. В этом нельзя сомневаться.

*Обер-ефрейтор В. Р., 2-я рота,
48-е подразделение,
батальон связи*

6.I.1943

Вчера я получил от вас первую посылку. Сначала хочу выразить свою благодарность. Посылку, которую вы отправили

мне к рождеству в ноябре, до меня не дошла, но я так обрадовался этой весточке от вас, что очень счастлив. Возможно, вы удивитесь этому, но это был для меня действительно праздник. Вы не представляете себе, как любая мелочь может облегчить наше пребывание здесь. Табак или одна сигарета и т. д. — это большие подарки, имеющие большое значение.

*Унтер-офицер моторизованного артиллерийского полка,
9-я рота, 60-я пехотная дивизия (моторизованная)*

Содержание

Введение	3
Часть 1	
«Сталинград – это ад на земле».	
Письма из коллекции Института	
Маркса–Энгельса–Ленина при ЦК ВКП(б)	50
Часть 2	
«Как может все это вынести человек?»	
Письма из фондов Музея-заповедника	
«Сталинградская битва»	68
Часть 3	
«Я хочу прочь из этого безумия»	
Письма из фондов бывшего Особого архива	
(Москва)	100
Часть 4	
«Я разучился смеяться...»	
Письма из собрания Райнхольда Штерца	116

Научное издание

«...Хоть раз напишу тебе правду»

**Письма солдат вермахта
из сталинградского окружения**

Ведущий редактор *Н. А. Богатырева*

Редактор *Е. А. Кочанова*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *А. Ю. Никулин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 29.01.2013.

Формат 70×100/32. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 5,48.

Тираж 1000 экз. Заказ 644

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

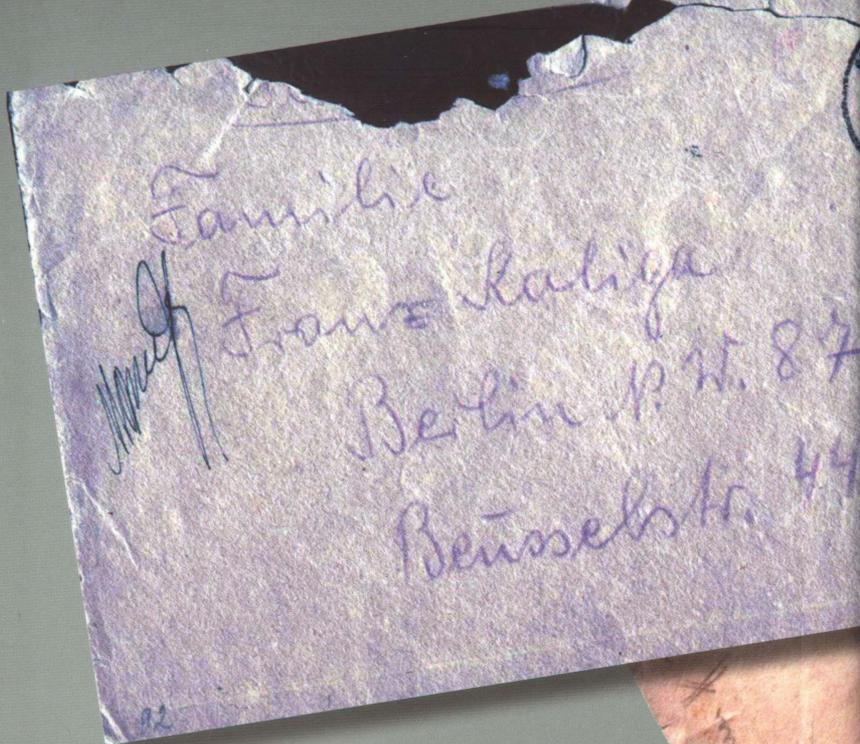
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Роши, д. 40, стр. 1

Тел./Факс 8(499) 685-15-75 (доб. 116 – отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

**Нина Эмильевна
Вашкау –**

доктор исторических наук, профессор Волгоградского государственного университета, председатель Волгоградского центра германских исторических исследований. Почетный работник высшей школы РФ, член Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений, организатор и участник международных научных конференций по данной тематике.

В книге впервые сведены воедино хранящиеся в российских и германских архивах письма немецких солдат из сталинградского окружения. Источники раскрывают повседневную сторону войны, способствуют оценке всемирно-исторического значения разгрома германских войск под Сталинградом, помогают понять цену Победы. Документы, публикуемые на русском языке, обращены к российской аудитории, ко всем, кто интересуется событиями Великой Отечественной войны.

